

A close-up, low-angle shot of a Weimaraner dog standing in a field. The dog is looking directly at the camera with a serious expression. Its fur is a mix of grey and white, and its ears are large and floppy. The background is a bright blue sky with some light clouds. In the foreground, there are green grass blades and several bright orange flowers, which are slightly out of focus.

ГРАФ — М

ВЛАДИМИР БУРОВ

Владимир Буров

Граф – М

«Издательские решения»

Буров В.

Граф – М / В. Буров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853216-0

Книга о девушках, потерявших работу в начале 90-х годов. Об их удивительных приключениях, и о том, как они нашли фантастический выход. Не без сокровищ, как в Графе Монте-Кристо. В романе почти наравне с людьми принимают участие собаки и кошки, и не только. Граф ЭМ один из них.

ISBN 978-5-44-853216-0

© Буров В.
© Издательские решения

Содержание

ГРАФ – М	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	56
Глава 14	60
Глава 15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Граф – М

Владимир Буров

Посвящается моему белому коту, которого не удалось спасти

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-3216-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чтобы ввести Вас сразу в курс приведу одну сцену из романа и один куплет из известнейшей песни:

Есть в саду ресторанчик приличны-й
Лёльке скучно и грустно одной-й.
Вдруг подходит к ней парень приличны-й,
Парень в кепке и зуб золото-й.

Ансамбль Аринушка

ГРАФ – М

Жека хотел опять встать, но тут в аллею, как бы нехотя повернули сержанты.

– Милиция! – негромко рявкнул Миша.

– Нам это по барабану, – сказал Юра, – у меня жена – дочь директора завода, – и кстати обнял Галю, которая ради справедливости его поправила:

– Не директора, а главного инженера.

Более того, – мягко добавила она, – я обречена заниматься проституцией.

– Почему? – успел ошарашенно спросить Юра, пока еще сержанты не дошли до Заведения, ибо двигались весьма вальяжно, как будто были не местными милиционерами, а такой сладкой парочкой, как Камилла Палья и Грэм Грин. Или Мария Каллас со своим уже Онассисом.

– Иначе я просто на просто равнодушна к этому делу. Я имею в виду к сексу, да и вообще к любому траханью.

– То вы тут ошиваетесь без конца, то вас не дозовешься! – приветливо рявкнула барменша.

Милиционеры устало брякнулись на последний из оставшихся здесь столов.

– Вина и женщин, – весело сказал один из них. А другой добавил:

– Но сначала к делу.

– Вижу вам не до дел, – сказала барменша. – Устали. Шли, шли из ментовки, аки евреи из плена египетского через моря и окияны. А ведь здесь всего пятьсот метров!

– Тихо! – поднял руку Вася и положил на стол пустой планшет.

– На кого будем писать заяву, хозяйка? – спросил второй, Валера. – На всех?

– Да, как обычно: пиши на всех.

– О чём? – спросил Вася.

– Организация мордобоя напополам с публичным домом.

Сержанты обернулись в разные стороны.

А, впрочем, эта книга о красивых и симпатичных девушках.

Эпиграф

Ты меня любишь?

А как ты меня любишь?

Глава 1

- Кто? Что? Какой, еще Граф? Нет, вы меня разыгрываете, или правду говоришь?
- А ты как думаешь? – спросил я.
- Я как думаю?! Я сейчас ничего не думаю. И знаешь почему? Голова шумит с похмелья. Или ты хочешь принести выпить? Ты кто такой вообще?
- Граф М.
- И что это значит? Граф Монте Кристо, что ли? Я тебя спрашиваю, ты кто такой? – она помолчала, и сказала, что если есть деньги, то: – Мы можем встретиться в парке.
- Я хотел приехать к тебе, но забыл...
- Забыл, где я живу? Я так и знала.
- Почему?
- По кочану. Все забывают. Не поверишь, кому ни дашь – больше никто не приходит. Хотя я беру недорого. Ты даже представить себе не можешь до чего дело дошло.
- А именно?
- Иногда приходится давать за пачку сосисок, ну и плюс оплата такси. Редко кто дает еще полтинник на завтрашний завтрак.
- Может...
- Не в этом дело, – перебила она меня, – просто ты представить не можешь ситуацию. Ни у кого нет денег.
- Неужели так бывает?
- Только так и бывает почти всегда. Думаю, госбанк печатает недостаточно денег. Так нельзя делать. Обрекают народ почти на сплошное безденежье. Ну, ты все сказать? Сказал. А то мне некогда. Тем более, еще возможно убраться придется.
- Может произойти что-то неожиданное? – спросил я, так как не понял, почему убраться будет можно, а почему нельзя.
- Прости, я не поняла, ты кто? Я это спрашиваю в том смысле, что в тебе есть что-то знакомое. Ты не этот, как его? Впрочем, по барабану, пригласи меня в парк.
- Днем?
- Ночью туда уже никто не ходит.
- А днем ходят?
- Разумеется.
- Я не понимаю, что делать в парке днем?
- Ну, а что я могу тебе сказать? Удивительно, вот и все. Я щас трахаюсь только днем. Впрочем, может быть, тебе это неизвестно. Ты кто вообще?
- А ты? – спросил я для смеха. – Я думал, это телефонная станция. – Она бросила трубку.

- Я сел за столик, но меня попросили уйти, так как я ничего не заказываю.
- Холодное пиво есть?
- И так жара, – сказала барменша, – зачем тебе еще холодное пиво.
- Фантастика. Кстати, – добавил я, – это какой город?
- Там все написано, – сказала барменша.
- Где? – не понял я и машинально взглянул на вывеску.
- В Африке, – сказал один из парней за столом.
- А это Африка?
- А что же это еще?
- Нет, я думал, это какая-то деревня.

Я отошел на двадцать метров и сел на скамейку. Уже хотел подняться и уйти совсем, как появилась она.

– О, привет! – сказала она, когда уже прошла мимо и обернулась.

– Я тебе не звонил, – сказал я. А она ответила:

– Ах, это ты звонил! – и села рядом.

– Зайдем в шашлычную?

– Это шашлычная? – я показал на кусты, за которыми скрывался навес с деревянной косой решеткой и стенами.

– Оттуда идет дымок, – ответила она, – а я хочу есть. – И добавила:

– Ты там уже был? Картофельное пюре с котлетой там есть?

– Возможно, они там всегда есть.

– Вот и я думаю, возможно. А вдруг нет? Я ведь уже настроилась.

– Ты так хочешь есть?

– Я пила три дня. Ты представляешь, меня три дня трахали, а есть не давали.

– Почему?

– У них ничего не было.

– Зачем тогда было с ними ходить? – удивился я.

– Обещали, что деньги будут.

– Сколько они тебе должны?

– С каждого по тысяче.

– Итого три тысячи?

– Да. Хотя, если честно, я обещала им сделать скидку.

Мы сели за столик у другой стены. Потому что у той, у левой от входа так и сидели трое парней, а по середине уже находились две девушки. Молодые и, можно сказать, красивые. Но курили. Одна, правда уже не курила, но дымящаяся сигарета лежала наготове. Правда, на той же тарелке, что картофельное пюре.

– Котлеты, наверное, не очень вкусные, – сказал я.

– Почему? Ты на нее не смотри, – Наташа кивнула на соседний столик.

– Думаешь, без пива она не привыкла завтракать?

– Дело не совсем в этом. Ей тоже вчера не заплатили. Все малолетки хотят без денег.

Но она не потому много не ест, что денег мало, а потому что расстроена.

– Опять не заплатили? – удивился я. И добавил: – Не люди, а какие-то... какая-то...

– Скотобаза. Конечно.

– Зачем тогда надеяться, что заплатят?

– Иногда у них бывают деньги. Здесь во всех деревнях делают двери, зарплата большая.

– Сколько?

– Не знаю точно, я сбилась со счета. Доллар меняется, а мои мозги за ним не успевают.

Но где-то тысяч пять, или десять, я думаю.

– Сколько это будет в долларах?

– Надо разделить на шесть.

– Рядом с тобой я что-то тоже потерял способность делить и умножать.

– В каком смысле? Если хочешь, мы можем прямо сейчас отойти за эти кусты, и ты меня трахнешь. Пойдем? Нет, подожди, я сначала доем котлету с картофелем пюре. А то как знать, когда опять подадут. Между прочим, у меня уже есть ребенок. Где взять деньги на прокорм – неизвестно. Вроде бы придумали выход вместе со Светкой заняться основательно проституцией – никакого толку.

– Почему?

– Народ не привык платить за удовольствие. Нет, за котлеты с картошкой они платят, а за это не хотят. Не приучены, мать их. Все бы просто так, по любви. Скоты. Одно слово:

– Скотобаза.

– Кстати:

– А ты где был? В Москве? А Светка дура хочет замуж выходить. Ты же ее любил больше меня.

– Ей сколько лет-то уже? – спросил я.

– Больше двадцати.

– Это не ответ.

– Двадцать пять. Но лучше никому об этом не говорить. Знаешь почему? Здесь считается, что в этом возрасте не трахаются уже. Нет, точно тебе говорю, они считают нас за покойников.

– Кто?

– Малолетки. А какие мы были! Помнишь, как бросали всех и ходили вдвоем с тобой одним? Соревновались, кому ты кончишь ей ли мне. Почему ты кончал ей, а не мне?

– Ты хочешь, чтобы я подарил тебе сапоги?

– Да. Ей ты тогда подарил. Я тебя держала, держала за жопу, а ты все равно на нее полез. Зачем ты это сделал?

А задумался, но всё же сказал:

– Ты пошла с другим.

– Да. Ты не хотел трахаться каждый день. А я не могла отказаться, если предлагают. Я конечно поняла, что поэтому ты отдал ей модные двойные сапоги. Но все равно ты бы должен мне что-нибудь подарить. И знаешь почему?

– Почему?

– Я переводила к тебе всю нашу группу. Помнишь, ты все просил привести тебе Пастушку. Помнишь, дочь пастуха? Жопы у нее была:

– Во! – Намного больше нормы.

– Она собралась замуж, а ты очень уж хотел ее трахнуть. Хочешь спросить, где она сейчас? Не знаю. По-моему, тогда ты перетрахал всех Пэтэушниц в городе.

Кстати, эти твари не из нашего города. – Она показала на двух девушек, ожидающих за картошкой с котлетами, что трое парней догадаются за них заплатить.

– Вполне возможно, у них вообще нет денег, – сказала Наташа. – Хотя нет, по полтиннику за ночь, наверное, им дали.

– Сидят так, как будто ночи им было мало.

– Просто это обычная посадка тех, кто всегда готов заработать.

– Наверное, на электричку в свою деревню не хватает.

– Молодые сучки, – сказала Наташа, – эти трое их снимут.

– Что-то не видно, чтобы они обращали на этих дам внимание.

– Сейчас нажрут, напьются барматухи и полезут. Проблема в другом: мало заплатят. Впрочем, – добавила она, – я могу заставить их заплатить. Вот даже за меня, не очень крашенную заплатят. Хочешь?

– Что? Посмотреть? Лучше не надо. Скандалу будет много.

– Купи мне стакан вина.

– Может пятьдесят коньяку?

– С коньяка меня развезет.

– С пятидесяти грамм?

– Я по пятьдесят не пью. Лучше шампанского. На шампанское у тебя деньги есть?

– Конечно.

– Давай тогда. И закажи шашлыки на углях. Не бойся, за шашлыки тебе платить не придется. Они заплатят.

Глава 2

– Э, послушайте, – обратилась она – как она их назвала: дровосекам, хотя они и были предположительно обработчиками древесины под двери – скока будет?

– Чё скока? – спросил один высокий в белом с черными змеями свитере. И выпил кстати. – Впрочем, извольте, я отвечу: – Скока сможешь – столько и будет. Плюс скидка на пенсионный возраст.

– Ты сказал плюс? – спросил второй, – а имел, наверное, в виду минус.

– Почему? Ибо: кому-то всегда плюс. И знаете почему? Потому что кому-то всегда минус. – И все трое многозначительно улыбнулись, как люди имеющие свой не только целый лес деревьев, но и достаточно профессиональных проституток.

Она выпила шампанского, к которому я раньше приучал всех, и встала.

– Нет, я еще не пьяная, – сказала Наташа, – налей еще. Можно?

– Да, без сомнения.

Но они подошли все-таки к молодым, с дымящимися на картофельном пюре окурками. Точнее, подошел пока один, и увел одну, которая первой положила окурочек на тарелку. Хотя партнеры по лесопильному делу советовали ему начать с другой.

– Почему? – не понял он.

– Она красивая, – сказал один.

– А что это значит? – сказал второй.

– Я не знаю, – сказал Миша, который первым решился подойти к девушкам. Не то, что бы другие очень уж стеснялись от недопития, а просто боялись заразиться. Как сказал один из них:

– Прошлой ночью вполне могло не хватить презервативов.

Тем не менее, этот Миша в бело-черно-змеином свитере не мог удержаться.

– Она мне напоминает какую-то старую актрису.

– Что это значит? – спросил Юра. – Ломаться, что ли, будет сначала?

– Точно! – обрадовался Миша, что нашелся человек, который его понимает.

– Я Станиславский – я не верю, – сказал Женя, он не был, кстати говоря, дровосеком, а просто был бывшим капитаном, уволенным в запас досрочно за взятки, которые он называл бизнесом по освобождению некоторых просящих отпустить их пожалуйста на все четыре стороны без необходимой службы в армии. И он им обычно отвечал:

– Собственно, я только этим здесь и занимаюсь. – Тем не менее выгнали, ибо мало давал начальству, так как считал, что:

– Этим баранам, хватит и полштуки в месяц. – Впрочем, это его личное дело, каждый по-своему с ума сходит, как любили говорить в этом городе.

– В общем, я пошел, – сказал свитерный Миша, и потопал.

– Чё, идти, что ли? – спросила вторая маленькая светловолосая подруга.

– Не с тобой, – крикнул Миша. И девушка, похожая в молодости на исполнительницу роли:

– Жить на земле без любви невозможно-о-о! Это я точно тебе говорю-ю-ю, – пошла за ним, как будто была немая.

И даже в процессе продолжительного секса за кустами, она не проронила ни слова. Миша тоже удивился, что очень хотел спросить ее:

– Ты немая? – Но так и не спросил. Решил:

– В следующий раз. – Их чего следует, Актриса ему понравилась. А насчет непредвиденных заболеваний – у него всегда была с собой пачка, резервная пачка презервативов, о которой он никому не говорил.

Дама получила два стольника, и так же молча и грациозно двинулась назад к своей, правда уже погасшей на картофельном пюре сигарете.

А Миша сначала зашел в туалет. А когда из него возвращался понял:

– Дал слишком много. – Ибо:

– Если трахнуть всех троих, не считая барменшу, и они так же ему понравятся – уйдет шесть сотен, а это много, ибо представляет собой в результате неизбежной конвертации:

– Сто баксов!

– Да за такое бабло я могу и Заграницей кого-нибудь оприходовать, – рявкнул он вслух. – Да и вообще, поднимать цены до такой степени не стоило. Полтинник – красная цена любой – слово на букву б – в этом городе! – крикнул он так громко, что все повернулись в его сторону, но никто – что замечательно – не разобрал сути его безапелляционного предложения.

Пока они молча шуршали за кустами, Наташа обратилась к лесникам – как она мне объяснила – с речью:

– Следующий будешь ты! – показала она пальцем на рыжего Юру. И добавила: – Со мной. – А между прочим выпила уже почти всё шампанское. Правда, оно было холодное, хотя и без льда. Но первую бутылку можно пить и без льда, если оно только что из холодильника.

– Заткнись, ты, кобыла! – рявкнул Женя.

– Нет, нет, не кобыла, – заторопился Юра, так как испугался:

– Сейчас ведь обломают весь уже начавшийся кайф.

– Он оговорился.

– Пусть извинится, – сказала Наташа.

– Не буду, – сказал капитан, который никак не мог стать майором: его уже выгнали из военкомата, а за одно и из всей остальной армии.

– Ну, ты чё, – обратился к нему миролюбиво Юра, – хочешь, чтобы я опять уехал на свою лесопилку, никого не трахнув предварительно?

– Ладно, извини, – крикнул Женя, – я больше так делать не буду.

– А как ты будешь? – спросила Наташа.

Он поставил перед собой руки в боксерскую стойку. Правда, пока в сидячую.

– Пусть извинится, – повторила Наташа.

– Хорошо, хорошо, – сказал Женя, видя разочарованное лицо Юры, что, мол, трахаться уже больше ни с кем не придется. А мысленно, он ведь трахнул здесь уже многих.

– Не так, – сказала Наташа.

– А как?

– Поцелуй меня сюда, – она подняла юбку.

– Лучше ты у меня отсоси, – выдал Женя-боксер. Не боксер, а просто пока что кандидат в мастера спорта. Правда, не пока, а уже навсегда, так как капитаны, не ставшие майорами в дальнейших спортивных достижениях не нуждаются.

– Ты сам это сказал, – сказала Наташа, – я тебя за язык не тянула. – И добавила: – Пойдем.

Они уже хотели юркнуть в кусты, в сторону противоположную той, откуда еще не вернулся Миша, когда Наташа вдруг хлопнула себя по лбу:

– Чуть не забыла!

– Что? – удивился Женя-боксер.

– Отдай ему тысячу-то, чтобы я уже знала:

– Бабло-то у меня есть! – Наташа сладко улыбнулась.

– Тысячу? – переспросил Жека. – А не много?

– Дак с таких скотов, как ты, я меньше не беру, – на этот раз серьезно сказала девушка. Жека сделал обиженную рожу, и... и согласился.

Они ушли, а Миша, наоборот, вернулся. Но вернулся с такой расстроенной рожей, что не только Юра, но и барменша рассмеялись.

– Не хватило, что ли? – удивленно спросил Юра.

– А что, заметно?

– Очень. Такое впечатление, что тебе не только она не дала, – Юра кивнул на Актрису, пытавшуюся разжечь размокший уже в картошке окурок, но и вообще:

– Никто не дает.

– За деньги-то дураку дашь, – ответил Миша, не пытаясь пока объяснить другу, почему он заплатил Артистке двести Рэ, так как и сам этого понять не мог.

– Короче, как говорили древние турки, я пошел, – сказал Юра, и предложил маленькой девчужке, но между прочим, блондинке, нет, не руку и сердце, а сразу сто пятьдесят рублей. Он сначала хотел дать сто, но подумал, что очень хочет счастья. А как достигнуть счастья без счастья другого человека? И решил, что пятьдесят рублей сверх того, что он задумал для собственного счастья, сделают его обоюдоострым.

Он ждал ответной улыбки, но девушка – Галя – спокойно, как удав, пошла впереди него, но, видимо, хорошо не подумала:

– Двинулась туда, где уже были Жека с Нат.

К счастью, они не столкнулись. Хотя с другой стороны, когда каждый думает о своем, можно пройти рядом и не заметить тех, кто уже кончил дело и гуляет смело. Тут можно даже попытаться разобраться, кто чувствует себя более свободно и независимо:

– Тот, кто с поля, или тот, кто только еще едет в поле. – Но мы, разумеется, делать этого не будем.

Наташа села за стол, подняла бутылку, вздохнула:

– Пусто, – и уставилась на меня вопросительными глазами.

– Что? – спросил я. – Не заплатил?

– Ты догадался? Нет, я в том смысле, что:

– Или знал заранее?

– Я ему скажу, чтобы заплатил.

– Хорошо. А то мне обидно.

– Эх, ты, чума, – сказал я, – заплати, пожалуйста, даме.

– Я?! – даже дернулся, как загнанный конь Миша в своем белом с черными узорами свитере.

– И ты тоже, – неожиданно вставила Нат. – Прошлый раз, помнишь, обещал двести пятьдесят, а дал и итоге только сто.

– Зря ты это сделала, – сказал я.

– Почему? – спросила Нат. – Надо ковать железный, пока горячий. Ты сам всегда так говорил.

– Так-то так, но я могу с двоими не справиться.

– Ты не один, – ответила Наташа, – я с тобой.

– Все равно, пока сиди, не встречай.

– Дай мне денег на бутылку шампанского, я пока куплю, хорошо?

– Хорошо, конечно, – я дал полтинник.

– Две взять? – спросила она негромко.

– Возьми, но пусть пока вторая стоит в холодильнике.

– Не-е, надо брать сюда. И знаешь почему? Вдруг придется драться? Шампанским хорошо бить по балде – сразу наповал.

- Хорошо бери обе.
- Заодно я оплачу свой ужин.
- Конечно. И мой не забудь.
- Что у тебя было?
- А ты не помнишь?
- Я вообще никогда ничего не запоминаю.
- Яичница с ветчиной и свежим огурцом.
- Точно, теперь вспомнила. Но это больше похоже на завтрак.
- Да? Хорошо, заплати, как за завтрак.
- А разница?
- Думаю, что ужин можно повторить, а завтрак – никогда.

Она пошла к прилавку, а я уже должен был лицеизреть перед собой Жеку-боксера.

Но тут вернулся радостно-измученный Юра с Галей и сказал, чтобы мы не портили ему:

– Обедню.

– Нет, нет, я хоть и насладился вполне, но и хочу еще не меньше. Честно! Более того, это, скорее всего, моя будущая жена.

Народ начал безмолвствовать. Но этот Женя решил все-таки один раз меня ударить. Он вытянул вперед руку, которую я давно ждал. Поэтому схватил ее, как подарок, и используя ее, как спортивного коня, взлетел вверх ногами, одной из которых зацепил этого боксера за подбородок. Можно сказать, что ударил по шее, но с другой стороны. А значит, по горлу, и таким образом, заставил потерять равновесие.

Боксер изумился, что оказался на полу, а лапа его у меня на болевом. Он вроде уже начал стучать по полу, что, мол, сдается, но я решил:

– Слишком рано, – и сломал ему руку.

Зря, конечно, но теперь уж думать поздно.

Далее, вместо того, чтобы угомониться, Жека просит купить ему шампанского. Тогда он всё забудет, и не будет заявлять в милицию о сломанной руке. Галя – дочь главного инженера. Барменша просит трахнуть и ее. Иначе она напишет заявление подошедшим сержантам, что мы здесь устроили драку напополам с публичным домом.

Глава 3

- Купи и мне шампанского, – сказал Жека. Я повернулся кругом.
- Ты к кому обращаешься? – спросил я.
- К тебе. И знаешь почему? Я заплатил тысячу до того, как сделать миньетори.
- Почему ты так решил?
- Просто вспомнил.
- Он, видимо, еще не понял, что рука-то у него сломана, – сказала Нат, ставя на стол холодные бутылки.
- Налейте, конечно, – попросил Миша, – ибо мы шампанское не пьем, и налить ему на рану не можем. Всё-таки рука у него болтается, как будто на самом деле сломана.
- Налить, что ли?
- А он заплатил?
- Нет.
- Тогда пусть сосет лапу.
- Жека встал, и сделал несколько ударов по воздуху левой рукой.
- Опять тренируется.
- Мало получил.
- Я заплатил, налейте мне шампанского.
- Опять начал свою песню, – сказала Наташа. И добавила: – Он заплатил?
- Честно?
- Да, лучше всегда говорить больше правды.
- Если честно, я не помню.
- Ну-у! Тогда точно не давал. Из него вытащить деньги, все равно что у голодной собаки отнять кость. Не отдаст ни за что.
- Да, теперь я вспомнил: не давал, однозначно.
- Если бы я не давал, как бы ты пошла со мной? – занялся логикой капитан.
- Честно? Сама не знаю. Чё-то завидно, наверное, стало, что всех трахают, а меня даже с триппером всё равно никто не хочет.

- Если это правда, я оторву тебе голову, как креветке, – сказал Жека, но было видно, что теперь он немного действительно испугался. Жена у него была завсклад и обещала ему не сегодня завтра припереть кроссовки Адидаас, а он, соответственно, обещал ее трахнуть именно сегодня – как следует. Что означало:
 - Довести ее до такого экстаза, чтобы она сама попросила:
 - Миньету! – А не так, чтобы как обычно пришлось ее долго об этом умолять.
 - Не бойсь, – сказала Наташа, – это было намеренно.
 - А теперь?
 - А теперь прошло. Теперь только этот, как его? остался.
- Жека хотел опять встать, но тут в аллею, как бы нехотя повернули сержанты.
- Милиция! – негромко рявкнул Миша.
- Нам это по барабану, – сказал Юра, – у меня жена – дочь директора завода, – и кстати обнял Галю, которая ради справедливости его поправила:
 - Не директора, а главного инженера.
- Более того, – мягко добавила она, – я обречена заниматься проституцией.
- Почему? – успел ошарашенно спросить Юра, пока еще сержанты не дошли до Заведения, ибо двигались весьма вальяжно, как будто были не местными милиционерами, а такой

сладкой парочкой, как Камилла Палья и Грэм Грин. Или Мария Каллас со своим уже Онассисом.

– Иначе я просто на просто равнодушна к этому делу. Я имею в виду к сексу, да и вообще к любому траханью.

– То вы тут ошиваетесь без конца, то вас не дозовешься! – приветливо рявкнула барменша.

Милиционеры устало брякнулись на последний из оставшихся здесь столов.

– Вина и женщин, – весело сказал один из них. А другой добавил:

– Но сначала к делу.

– Вижу вам не до дел, – сказала барменша. – Устали. Шли, шли из ментовки, аки евреи из плена египетского через моря и окияны. А ведь здесь всего пятьсот метров!

– Тихо! – поднял руку Вася, и положил на стол пустой планшет.

– На кого будем писать заявку, хозяйка? – спросил второй, Валера. – На всех?

– Да, как обычно: пиши на всех.

– О чем? – спросил Вася.

– Организация мордобоя напополам с публичным домом.

Сержанты обернулись в разные стороны.

– Здесь некого трахать, – сказал один. – Ты как, Валера, стал бы кого-нибудь, или кого-либа трахать из присутствующих? Я – нет.

– Я буду.

– Кого?

– Вот эту... – сказал он, но пока что водил пальцем туда-сюда. – Ни по эту, ни то ту, – и неожиданно показал пальцем на саму барменшу.

– Да ну, брось ты, врешь ведь, наверное. А впрочем, слово не воробей – пошли.

– Куда? – испугался Валера.

– За занавеску. Давай, давай, а то, действительно, я не хочу больше ждать.

Валера обвел подозрительным взглядом окружающий его партер, и резюмировал:

– Она шутит.

И все поняли, что, как минимум, придется заплатить.

– Сколько? – спросил я.

– Мы сами будем решать, – сказал Вася, – не надо спрашивать дополнительно.

– Отдай им мою тысячу, – сказал Жека.

– Ты кому это сказал? – спросил милиционер.

– Не тебе, надеюсь.

– Смотри не надейся, а то сам сейчас заплатишь, – сказал второй, Вася.

– Давайте не будем обострять отношения, – сказала барменша, – пусть кто-нибудь трах-нет и меня, и разойдемся любовно.

– Не, не, не! – замахал авторучкой Валера, – теперь обязательно кто-то должен заплатить. Иначе всё не будет иметь никакого смысла.

– Отдай им мою тысячу, – опять сказал Жека-боксер.

– Ты мне ее давал?

– Прекратите посторонние разговоры, – сказал Вася. И добавил: – Ты, иди сюда.

– Я? – удивилась Наташа. – Меня трахают практически бесплатно, и я еще отвечать должна, по-вашему?

– Никто тебя не съест, садись за стол, – сказал Вася.

– При таком отношении никто не будет сюда ходить, – сказал я.

– Да ей-то все равно, – сказал долго молчавший Миша, – это не ее кафе.

– Она только барменша, которую никто не трахает, – добавил Юра, и заодно пощекотал Галю за коленку.

– Я должна дать сначала всем остальным, чтобы опять захотеть тебя, – прошептала она ему на ухо, что заставило Юру задуматься:

– Способен ли он это понять когда-нибудь? Или нет. Скорее всего это можно сделать, если очень захотеть. Но с другой стороны и вероятности для этого тоже немного. Как быть? А ведь очень хочется.

– Ты, – показал пальцем на Юру милиционер, – тоже сядь сюда.

– Это обязательно?

– Да, желательно.

Когда сержанты исписали штук шесть каких-то заявлений и объяснений, и вздохнули облегченно со словами:

– Сейчас бы пива! – Наташа наблевала им на стол. Да так, что с него полилось на все четыре стороны.

– Мать твою-ю! – воскликнул Вася, – как ты могла?

– Это все из-за него, – Наташа показала на Женю-боксера. – Он мне кончил в рот.

– Так это когда было-то! – нагло ответил Жека.

– Да, было давно, но вспомнила я об этом только сейчас, – сказала Наташа, и опять наклонилась над столом.

Все разбежались в стороны.

Как будто кто-то бросил гранату в центр этой забегаловки.

Глава 4

– Мы бежали, бежали опасаясь погони, чтобы нас не догнал – пистолета заряд! – крикнула увязавшаяся за нами Галя. И добавила:

– Вы хоть заплатили за обед-то?

– Нет, – ответил я.

– Почему?

– Мы его вернули, – ответила Наташа. – И знаешь, на душе стало намного легче.

– Так-то и я могла бы заплатить, – сказала Галя. – Для этого надо сунуть два пальца в рот, да?

– Два хорошо, – ответила Нат, – но лучше засунь сразу три.

– Я не поняла, вы хотите меня обидеть?

– Нет, конечно, – сказал я, и добавил: – Ты пойдешь с нами?

Наташа успела сказать раньше:

– Вот повезло! Опять мне сапоги не достанутся!

– Нет, не беспокойся, – сказал я, – ты первая в очереди на сапоги. И не только.

– Зато у меня нет триппера, – вставила Галя.

– Прекратите, прекратите эти дурацкие разговоры о болезнях! – воскликнул я, – лучше говорите, о чем-нибудь другом.

– О чем, например? – спросила Наташа, – о затычках тебе разговоры нравятся?

– Нет, действительно, есть и другие темы, – сказала Галя, – давайте обсудим позу Гиены, недавно введенную в русской Камасутре.

– Есть такая поза? – удивился я. – Не знал. Это как? Кусаются?

– И царапаются, – сказала Наташа.

– Правильно, – сказала Галя, – вы уже знаете?

– Мне не нравится, когда меня царапают, – сказал я.

– Я не буду тебя кусать, а ты меня будешь, – сказала Галя.

– Так-то и я согласна, – сказала Наташа.

– Не будем ласкаться, – сказала Галя, – а будем кусаться!

– Мысль интересная, но трудно реализуемая в реальности, – сказал я.

– За день так накусаешься, что ночью бы лучше от этого отдохнуть, – сказала Наташа. – Хочется заняться чем-нибудь другим.

Мы зашли к ней домой. Ребенок был у прабабушки, в холодильнике не было ничего.

– Ты где-нибудь работаешь? – спросила Галя.

– Сейчас? Нет.

– Я тоже. Целый день сидеть в универмаге, или в универсаме – тоска.

– В конце смены подвалит какой-нибудь дебил, пригласит, и пойдешь, куда-угодно, хоть сразу в баню.

Пришла мать от соседки, и сразу спросила:

– Деньги есть?

– Ну, откуда у меня деньги! – воскликнула Наташа, – что ты спрашиваешь.

– Деньги есть, – ответил я, – вот возьмите три тысячи.

– Зачем? Мне нечем отдавать, – сказала Наташа.

– Я тебе должен, – сказал я.

– На сапоги? Лучше купи мне сапоги, а то ходить не в чем.

– Ну, что кому? – спросила мать. – Давайте лучше мне, я куплю еды ребенку.

– Вы пьете?

- Я – нет, а она, – мать указала на Нат, – почти, как лошадь.
- Да хватит врать!
- Нет, правда, она обещала бросить, когда устроится на работу.

Деньги остались у матери, и мы вышли.

- Куда теперь? – спросила Галя. – Я домой не пойду.
- Может, опять в парк?
- В этот лучше не ходить.
- В другом нет кафе.
- Есть, как же,
- А это, Гребешок. Оно в закрытом помещении.
- Так сейчас есть веранда. К тому же у Дома Культуры шашлыки жарят. Я пробовала – вкусные-е.
- Ты, наверное, тогда была голодная, как дикий кролик.
- Я не кролик – я гиена.
- Гиена огненная? – вступил я в разговор.
- Все Гали огненные.

Мы взяли шампур с шашлыками, и только тут я вспомнил, что отдал все деньги Наташиной матери. Признаваться не хотелось, что:

- С собой у меня не было.
- Подумают, что вообще больше нет. Хотя вряд ли. Меня помнят здесь всегда с деньгами.
- Вы, это... заказывайте пока, а я... а я сейчас подойду. Хорошо?
- Хорошо да, или хорошо нет? – помнишь, как ты говорил раньше?
- Закажи лучше сам, а мы тебя подождем, хорошо? – сказала Галя.
- Да, так было бы... так было бы, я думаю, лучше, – сказала Нат.
- Или еще лучше: мы пойдем с тобой.
- Мы можем опоздать. Шашлыки могут кончиться.
- Да? Тогда нам лучше остаться.
- Ты дура, что ли?
- Впрочем, ты права, я же блондинка. Если шашлыки закончатся – нам нужно будет платить, а ты будешь находиться в опоздании. Я права?
- Ты всегда права! – рявкнула Нат.
- По-другому быть не может, потому что я блондинка. В принципе, у меня есть пять тысяч, но это Н – З. Вы знаете, что такое Н – З?
- Неприкосновенный запас, – сказал я.
- Ненужный запас, – сказала Нат.
- Это ближе к истине, – сказала Галя. – Поэтому, иди, конечно.
- Я взял сто долларов и, когда вернулся на поляну у Дома Культуры, обнаружил, что Нат сидит одна, а Галю трахают в кустах четверо.
- Что?
- Она все деньги отдала мужикам. Нам нечем платить за шашлыки, а мы съели не два даже, а шесть. Представляешь, она заказала шесть шашлыков и две бутылки водки. Водка здесь с бешеной наценкой. Я бы лучше в магазин сходила. Но...
- Что но? – не понял я.
- Подвалили четыре лба, и все – представляешь все! – понравились ей.
- Это для них она заказала шашлыки?
- Нет, она сначала заказала, а потом они подвалили.
- Мистика.

– Да, как в сказке: жили были три богатыря, даже четыре, и поняли, что где-то вот-вот начнут жарить четыре лишних шашлыка. Решили: катим? Есс!

А шашлыки заказывали не для них. Просто мы сразу взяли по два каждому. Ты в курсе, что всегда хорошо съесть сначала по одному горячему шашлыку, а потом иметь в запасе еще один холодный и медленно доедать его с пивом?

– Это ты сама придумала?

– У меня есть опыт. Раньше меня часто таскали на шашлыки.

– Зачем?

– Странный вопрос. Трахать же ж надо кого-то. Не между берез же ж совать. Что будем теперь делать? Ты принес деньги?

– Разумеется.

– Разумеется, это хорошо. И да, ты представляешь, эти пацаны, как будто знали, что с нее можно взять деньги за траханье.

– Да, обычно бывает наоборот.

– Здесь что-то необычное.

– Может быть они за ней следят.

– Она не дочь премьер-министра, чтобы за ней следить.

– Как раз это может быть. Если правда, что у нее отец – Главный инженер завода. Там, как я слышал, сейчас выдают всем акции. Люди радуются. Если обычные люди зарабатывают на этом по пять-десять тысяч долларов, то легко можно предположить, сколько будут иметь директор, главный инженер, главный бухгалтер, парторг.

– Во сколько, ты думаешь? Раз в десять?

– Сейчас посчитаю. Так, семь ю восемь... Щас. Есть!

– Сколько?

– Больше, чем в три тысячи раз.

– Это много?

– Это очень много. Например, ты сколько платишь за обед?

– Рубль.

– Это когда было. Сейчас рублей пять, я думаю.

– А он платит?

– Он? Не меньше тысячи.

– Это много.

– Ну, не меньше пятисот. А скоро будет платить по две с половиной.

– За обед?

– Да. Из этого можно сделать только один вывод.

– Да. Какой?

– Деньги девать просто некуда. Можно потратить на обед две с половиной тысячи. Не выбрасывать же их на самом деле.

– С вас триста пятьдесят рублей, – сказал приблизившись шашлычник. И добавил: – Нашли деньги-то, наконец.

– Спасибо, да, – поспешно ответил я, видя, что Наташа настроилась на грубый ответ ему. Вроде того, что, мол, иди воруй дальше, или просто:

– Не твое дело. – И про себя: – Тварь. – Хотя здесь, я как понял, все было по-честному. Как обычно сто сорок граммов заменяли на сто двадцать, но не на восемьдесят, как делают некоторые.

– Хочешь торговать шашлыками? – спросил я ее.

– Я? Кто меня возьмет.

– Я куплю тебе это место. Деньги будут.

– Я не люблю контролеров. Начнут приставать, что недовесила, обругаю матом, все равно попросят уйти. Нет, я бы не против, но не получится. Мне легче тарелки собирать, но за это мало платят.

– Вообще, я думаю, если не воровать, то ничего не заработаешь, – послышался голос за нашей спиной.

– Явилась – не запылилась, – брякнула Наташа. – Натрахалась? Деньги все засадила.

– Это вопрос?

– Нет, это ответ.

– Где ты теперь денег возьмешь. К отцу попросься?

– Я никогда об этом не думаю. Ко мне деньги сами приходят.

– Мне бы так, – сказала Наташа. И добавила: – Давай обменяемся.

– У тебя что? – сказала Галя.

– Термос.

– Как термос, немецкий? Или американский? – спросила Галя.

– Немецкий, но сделан в Китае.

– Вряд ли меня это заинтересует.

– Но он необычный. Он разбит. Представляете? Купила отличный китайский термос с цветами. Цвет – темная вишня, как я люблю. Сам открывается. Крышка быстро отворачивается, и термос автоматически открывается. Надеваю вишневую крышку, и доступ к воде автоматически перекрывается. Как автоматическая коробка передач в Тойоте.

Глава 5

– А ты ездила на Тойоте?

– Почему бы нет? Сейчас во Владивостоке делают беспощинный импорт. Бросают в Японии новые запчасти в море, а здесь их собирают, как металлолом восьмидесятых. Машина новая, а брать с нее нечего. Поэтому. Поэтому здесь полно японских тачек с коробками автомат. Я сначала не понимала:

– Зачем тачке коробка автомат? Для тех, кто не научился ездить? Нет, оказывается. Я поняла в этом есть большой кайф, мозг радуется, как будто нашел счастье. Так же был сделан и этот термос.

– Был? – спросила Галя.

– Нет, он есть, но без колбы.

– А где она?

– Ее сглазили. Вы знаете, что такое сглазить вещь? Вы в детстве одевали прохладным вечером новые ботинки, только сегодня или вчера купленные? Одевали? Тогда возможно вы знаете, как происходит сглаз:

– Вам просто наступают на новую кожу, чтобы лучше носились. Делают это со словами:

– Надо обновить.

– Да, я это знаю, – сказал я.

– Но это можно сделать еще проще. Надо только спросить:

– Ты купила новый термос? Всё – считай, что термоса у вас уже нет. Этим вопросом его сглазили. И он разбился. – На глазах у Наташи выступили слезы.

– Кто тебя спросил о нем? – сказала Галя, – мужик?

– Мать конечно. Мужик не может навредить словами, только если на вас наступит.

– Я согласна, – сказала Галя. – Только если слово мать заменить на слово отец.

– А если мужик близкий? – спросил я.

– Таких не бывает, – сказали обе почти хором. И добавили:

– Если не считать тебя, конечно, – и обняли меня беззаветно.

– Вы платить будете? – опять подошел шашлычник.

– Тебе уже заплатили! – рявкнула Наташа. – И вообще, ты нам мешаешь.

– Вы не платили, – сказал он и угрюмо отошел, но недалеко. По крайней мере, до своего мангала он не дошел.

– Вы заметили, что у него паук? – прошептала Галя.

– Да? Я не заметил.

– Вот здесь, на шее, ползет из-под рубашки. Огромный! Как настоящий.

– И что это значит? – спросила Наташа.

– Если попросит, придется давать обязательно, – ответила Галя.

– Хреновина.

– Нет, это точно. Как схватит клещами, не оторвется, пока...

– Пока всю кровь не высосет?

– Пока не натрахаётся до отвала.

– Кому чего, – вздохнула Нат. И добавила: – Ну, ты меняешься?

– Что на что?

– Ты слышала, что я предлагаю.

– Сломанный термос мне, кажется, не нужен.

– Но я же верю, что тебе везет на деньги. Ты тоже в натуре не можешь ничего предложить.

Нет ведь ничего видимого!

– По крайней мере, от моего дара тебе не будет никакой обузы.
– Это верно. Термос надо носить с собой. Впрочем, не обязательно. Можно отомстить и завтра.

– Он может мстить?

– В этом его сила.

– Разбитого китайского термоса?

– Ты меня правильно поняла.

Далее, Галя требует от парней, которые ее трахали 3800 сдачи. Говорит:

– Я просто обсчиталась, думала курс доллара уже один к двадцати пяти, а он все еще только один к шести. Все смеются, она берет у Наташи термос и применяет его, прослушав предварительно инструкцию от Наташи. У парней ломаются руки и ноги, но не сразу. Это происходит вечером на танцах, где они начинают собирать деньги, чтобы отдать Гале, как сдачу.

Вернулись из туалета, вероятно, четверо парней, которые трахали Галю в кустах. А она вдруг схватилась за голову и крикнула:

– Вот, пожалуйста, я опять нашла бабло! – Некоторые даже остановились после этого ее возгласа.

– Они мне должны! Честно, я неправильно посчитала курс доллара. Я думала, что он один к двадцати пяти, и он еще один к шести. Эх, вы, отдайте сдачу 3800!

– Так что, нам всего по пятьдесят долларов, достанется? – спросил один из них, заказывая шашлыки. – Это мало.

– Мало ли, много ли, – заступилась за подругу Нат, – но если договаривались по пятьдесят – значит по пятьдесят. По триста рублей вам хватит во как! – она приложила ладонь к горлу и чиркнула.

– Мы не отдадим, – сказал другой.

– Надо было раньше думать, – сказал третий. Четвертый молча рассчитывался с шашлычником. С нас почему-то он сразу не взял.

– Вот, пожалуйста, – сказала Нат деньги к тебе пришли, а взять ты их не можешь. Ну?

– Что?

– Ты мне будешь отдавать деньги.

– А ты мне термос? Я не буду его с собой таскать. Меня и так-то некоторые за дуру считают, а так будут...

– Считать за дуру с термосом, – засмеялась Нат.

– Может вам объединиться? – сказал я. – Каждый остается при своих способностях, а делить будете все пополам.

– Как мы назовем нашу новую фирму? – сказала Галя.

– Ты согласна? Хорошо. Я тоже согласна. Тогда я сейчас выставлю термос, и деньги у нас будут.

– Он точно у тебя с собой? – спросила Галя. – Никогда бы не подумала, что ты так педантична.

– Мать грозила выбросить, если не будет денег. Я взяла его с собой, – Наташа погладила сначала вишневую крышку, потом цветы на металле.

– Ты ему не будешь ничего говорить? – спросила Галя. – Ну, чтобы выполнил твое желание.

– Он и так все понимает. Не собака, ему не надо говорить – фас!

Но ничего так и не произошло. Пришлось заплатить мне. Зато вечером на танцплощадке было целое побоище.

– Вы не взяли с собой термос? – спросил я, когда пришел на танцы. Девушки стояли у кассы.

– Я думаю, в этом нет смысла, – сказала Нат. – Он уже сработал днем.

– Бессмысленно. Я в это абсолютно не верю, – сказала Галя.

– Нет, ты действительно не взяла его с собой? – удивился я. – Тогда, конечно, кина не будет. Ибо: и так-то это было очень сомнительно, а теперь – просто невыполнимо.

– Посмотрим. Так уже было, – сказала Наташа.

Мы танцевали втроем. Танцы были в самом разгаре. Неожиданно через забор перелезли четыре человека в черных масках.

– Началось, – выдохнула Наташа.

– Невероятно, – сказал я. И Галя меня поддержала:

– Не пойму, чё они будут делать?

Но они вынули дубинки, и начали избивать. Кого? Нет, не этих четверых пацанов, которые не отдали днем Гале сдачу, а музыкантов. Залезли на балкон, где играл оркестр, используя для этой процедуры плечи друг друга.

– Не понимаю, что происходит, – сказала Нат. – Они должны были избить этих пацанов.

– Ты их наняла? – спросил я.

– Да ты что?! нет, конечно. И знаешь почему? В этом не было бы никакого смысла.

Но дальше все пошло в обратном направлении. Маски опять перелезли через забор, и скрылись даже от... в общем, скрылись и все. Но появилась милиция. Я даже подумал, что это одни и те же люди. Хотя это было бы невероятно. Но их было тоже четверо. И... они тоже вынули дубинки, но только не железные, а длинные резиновые. Они начали бить этих четверых ребят, которых и должны были избить по плану, который придумали мы. В чем состоял этот план? Просто мы поверили Наташе. Не на сто процентов, конечно, на один. Но от нечего делать, мы ждали его осуществления.

Тем не менее, мы очень удивились, что план этот начал осуществляться. Более того, одному из этих парней просто на просто оторвали руку. Мы не могли поверить своим глазам. Еще одним – ногу.

– Этого я еще никогда не видела, – только и могла констатировать Галя. И я готов был ее поддержать:

– Дас ист фантастиш, – сказал я. И добавил: – Что у вас здесь происходит?

– Я сама это вижу впервые.

– И я тоже.

Сначала я сказал, что:

– Мы выйдем вместе со всеми. – Потом:

– Надо перелезть через забор.

– Зачем? – удивились обе дамы. – Нас могут заподозрить в соучастии.

– Думаю возможность обвинить нас существует уже. – Почему я так подумал? Не знаю.

Но тут Наташа показала пальцем на контролершу билетов с красной повязкой на рукаве. Она указывала прямо на нас.

– Кошмар какой-то, – сказал я, – может показаться, что дело происходит во сне.

– Хорошо, что мы уже настроились бежать отсюда через забор, – сказала Галя, а то бы пока раздумывали... ну и так далее.

Я подсадил дам, полез, и меня успели схватить за ногу. Хорошо, что это была одна из контролерш. Я не раздумывая, оттолкнул ее ногой. Кажется, попал в самое лицо. Она включила сирену. Ну, чтобы все подумали:

– Притворно так выть нельзя. – Только после удара ногой в морду. Хотя сила удара была очень маленькой, а вой похож даже не волчий, а на вой какого-то монстра.

- Что это было спросил я? – с трудом отдышавшись где-то уже у самой реки.
- А я знаю? – спросила Галя.
- Это мой термос, – сказала Наташа.
- Ты говори неправду, но не до такой степени, – сказала Галя. – Нет, честно, врать это тоже: – Надо уметь.
- Ты, вообще, слушала, что я говорила до сих пор, или нет? – сказала Нат. – Мы зачем шли на эти траханые танцы? Мы затем и шли, чтобы проверить насчет термоса.
- Какого термоса?
- А ты не помнишь?
- Нет.
- Зачем тогда мы ходили на танцы?
- А я знаю?
- Фантастика, честное слово, – скабзала Нат.
- Ну, хорошо, хорошо. Я согласна: – Мои деньги – твои деньги.
- Вольдемар, ты слышал? – спросила Нат. – Будь свидетелем, я ее за язык не тянула, она сама предложила мне все свои деньги за термос.
- Я хочу, чтобы меня звали Альберт, – сказал я.
- Честно?
- Без сомнения.
- Таких имен не бывает, – сказала Галя. – Впрочем, изволь, я согласна.
- Ты на все согласна.
- Да. И знаешь почему? Мне и так ничего не дают. Приходится все брать своими... ногами. А знаете почему ногами? Я хорошо работаю ногами. Как сожму, он пищит, но трахается.
- Честно?
- Я никогда не вру.
- Врешь. Все врут.
- Я знаешь почему не вру? Не умею.
- Я тебя научу. Я придумала, как нам добывать деньги, – сказала Нат. – Я буду продавать тебя богатым мужикам в Элите, а деньги буду брать себе.
- А я?

Глава 6

– Я буду давать тебе немного.

– Почему? Мы договаривались все пополам. Я всё помню. А что не помню, то обязательно вспомню. Только я, бывает, не могу точно определить, когда это было. Позавчера там, или несколько месяцев назад. Окей?

– Что значит, Окей?

– Это значит: ты согласна?

Мы уже почти поднялись в гору. Нат схватилась за голову, и чуть не упала, и не скатилась с горы.

– Вольдемар, ты кого мне подсунул? Ей бы не проституткой работать, а... консультантом по экономическим вопросам какого-нибудь Паши.

– Это какой Паша? – спросил я, – который в деревне потолки гипсовые вешает в клубе?

– Не Паша, а Паши.

– Пахать – значит работать, – сказала Галя, – я знаю.

– Не в том и не в другом смысле, как сказал бы Квентин Тарантино. А имеется в виду Паша, который только возлежит и трахается, когда не возлежит и не кушает.

– А у нас есть такие? – спросила Галя.

Мы уже зашли в парк Пушкина, где было темно и страшно.

– Здесь трахаются, – сказал я, – когда идут из кино домой.

– Давайте мы тоже немного потрахемся? – сказала Галя с небольшим вопросительным оттенком.

– Вы трахайтесь, – сказала Нат, – я пока покурю.

– Так не делается, – сказала Галя, – вместе – так вместе. Впрочем, я шучу, – добавила она, – можно и по очереди. Да, в принципе, я и одна всегда могу.

– Мне одной скучно, – сказала Нат и отошла в сторону.

Я хотел спросить:

– Как мог термос принимать участие в бойне на танцплощадке, если его у нее с собой не было.

– Ты забыл, – неожиданно услышал я ответ, – я говорила еще на шашлыках, что его с нами не будет, ибо:

– Зачем? – если он и так уже запрограммирован на это действие.

– Верно, – сказал я, и потащил Галю в беседку.

– Как будем? – спросила она.

– Ложись на лавку.

– Она узкая. А у меня мало жиру, чтобы была достаточная амортизация.

– Да ладно.

– Ну, хорошо. Я одной ногой зацеплюсь за стену, а другую в чулке поставлю на доски пола. Так получится?

– Сейчас узнаем.

Минут через пять она спросила:

– А побыстрее нельзя?

– Ты спешишь?

– Нет, но все равно, ты жуешь меня, как жевательную резинку.

– Ты пробовала жевательную резинку?

– Конечно, сейчас ее везде полно. Но, прости, давай лучше помолчим.

– Почему?

- Во-первых, ты мне сбиваешь дыхание.
- А во-вторых?
- Во-вторых? Ах, во-вторых! Во-вторых, мне кажется, за нами подсматривают.
- Это, наверное, Наташка. Пусть смотрит.
- Конечно, пусть хоть чему-то научится по-настоящему. Только я думаю, что это не она.
- Ты так считаешь?
- Да.
- Почему?
- Я слышу, как там за стеной беседки хихикают.
- Во время этого никто никогда не хихикает.
- Ты думаешь, они мастурбируют?
- Нет. Но все равно, я думаю, они затаили дыхание. Поэтому ты их не можешь слышать.
- А я слышу. И знаешь, более того: я вижу.
- Ты не можешь видеть.
- Несмотря на это я все равно вижу. И знаешь, что? – Она прошептала мне на ухо:
- Они могут на нас напасть.
- Вы здесь все экстрасенсы, что ли? – удивился я.
- Нет, это Наташка позиционирует себя экстрасенсом с разбитым термосом. Но сейчас я вижу, что они нападут на нас по дороге к выходу из парка. Это пацаны, они все боятся, но один из них здоровый, мускулистый. Он хочет ударить тебя сбоку небольшой доской.
- Что им нужно?
- Я. Нет, шучу. Им хочется денег.
- Они ищут пьяных, чтобы снять у них часы, или немного денег. Мы – это их неожиданное наслаждение. Впрочем, нет, многие из них искали именно это:
- Подсмотреть за нами.
- Где Нат?
- Не знаю.
- А говорила, что видишь, что происходит за стенкой.
- Не за стенкой, а в:
- Будущем!
- Ах, вот оно как! Тогда я позволю себе высказать свои преимущества. Ты знаешь, в чем они заключаются?
- Ноу. Ай-ай!
- Что?
- Хорошо.
- Хорошо?
- Отлично.
- Отлично?
- Великолепно.
- Хорошо, я тогда тебе отвечу: она сидит здесь и курит.
- Почему ты не видел огонька?
- Она смотрит в дырку.
- Дырка от чего?
- От сучка.
- Сучка, конечно, ибо ей завидно. Ох, наверное, как хочется трахнуть!
- Успеется, – спокойно ответила Нат. – Она действительно сидела здесь, но ее трудно было увидеть на фоне темной стены. – Давайте лучше подумаем, как отсюда выйти. Она это сказала мне на ухо, так как подошла к нам совсем близко, вплотную. Потом громко сказала:

- У тебя красивые чулки. Какая фирма, Айзен?
- Сама шила.
- Серьезно?!
- Шутка, конечно, Айзен. Впрочем, нет, заказывай, я тебе сошью.
- Это стопроцентный хлопок?
- Нет, это чистый шелк. Один Паша привез мне коконы. Это лучше, чем самой шить.

Пусть Пашут эти, как их? гусеницы-шелкопряды.

- Ты еще долго? – спросила Нат, притронувшись ладошкой к моей спине.
- Да-а, не знаю даже.
- Не торопись, я должна подумать. Скорее всего, – добавила она, – мне придется пожертвовать собой. Нет, в смысле секса, я имею в виду.
- Ты хочешь им дать? Бесполезно! И знаешь почему? У секса глаза завидующие. Они захотят и меня. А Альберта изобьют, чтобы отобрать у него деньги.
- Может быть, просунуть им в дырочку рублей двести? Отвалят.

Далее, в рассказе.

- Нет, ты помнишь, как ты потеряла туфлю?
- Нет.
- Почему?
- А зачем? Я и так это вижу. – Нат потопала одной ногой по бетонному полу.
- Я помню, – сказал я.
- Расскажите, я ничего не помню, и ничего не видел, – сказал Анатолий – заведующий винным складом.

Мы долго бежали по прямой. Хотели добежать до кладбища, но не хватило сил. Забежали в открытые ворота базы – видимо, недавно выехала машина, а сторож, махнув с вечера, забыл пока что их закрыть.

- Свет! – прошептала Нат. И точно из одной чуть приоткрытой двери слегка отсвечивало.

Мы поднялись на эстакаду, к которой днем подъезжали грузиться машины, и зашли внутрь.

- Хорошо, что это твой знакомый, – сказала Нат, и тут же предложила Анатолию:
- Открыть бутылочку вишневого ликера.
- Люблю, знаешь ли, иногда выпить ликера, чтобы не напиваться, как обычно до упаду водки.

- Да, без сомнения, – резюмировал мощный завсклад. И тут же разлил в два стакана.
- А нам? – спросила Галя.
- Вы пьете пиво.
- А после пива надо сначала, выпить водки, а уж только потом приступать к ликерам, – добавила Нат.

- Туда никто не ходит ночью, – сказал он.
- Почему?
- Очаг культуры, – ответил Толя. – Даже днем не ходят.
- Так я не поняла почему? – спросила Галя. – И днем, что ли, трахаются?
- Не то, чтобы обязательно трахаются, – Анатолий откинулся к стене.
- Что же тогда? – Галя разгрызла волбу, чтобы закусить ликер.
- Просто помнят про ночные приключения там, и боятся ходить днем. Я правильно вас поняла Толя?
- Разумеется.
- Мы думали – это сказки.

– Это было давно, и то почти неправда, – сказал я.

– Ладно, выпьем, – сказал завсклад.

И мы ему подробно рассказали, как это было.

Глава 7

– Он хотел ударить Альберта по щеке доской, – сказала Нат. И добавила: – Как я и думала.
– Почти правильно, – сказала Галя. – И знаете почему? Потому что так думала не она, а я.
– И я решила попробовать передать моему немецкому термосу китайского производства информацию, что, мол, надо как-то помешать этому, – продолжила Нат, предварительно ответив на возражение Гали трехсекундным молчанием.

– С моей помощью.

– Да полно врать! Сама я всё делала. Хотя я, разумеется, знала, что мой любимый термос на расстоянии работать не хочет. И знаете почему?

– Почему? – спросил для приличия Толя.

– Он любит конкретное общение.

– Я бы обязательно научила его общению, по крайней мере, в пределах одного города.

– Хватит якать! Помолчи лучше.

– Почему ты должна рассказывать? Давай лучше я расскажу.

– Вы можете представить себе такое непреодолимое желание: всегда быть первой? – спросила Нат окружающих, и показала пальцем на Галю. – Да будь первой, будь, но не везде же!

– Хорошо, где? – спросила Галя.

– В очереди на – буква е с тремя точками – на траханье.

– Ну, ладно, я согласна. Только я говорю тебе точно, что это я посылала Медиума. И знаешь почему?

– Почему?

– Это мой термос.

– С какой стати?

– Ты, что, ничего не помнишь? Ты сколько выпила?

– Не твое дело. Теперь я вспомнила, что за термос ты должна мне деньги? И да: где мои деньги? Нет, ты можешь ответить мне членораздельно:

– Где бабло? – И Нат бросила в Галю последней туфлей. Галя ее подняла, осмотрела, и со вздохом положила рядом с собой.

– Вольдемар, Альберт, то есть, дай ей, пожалуйста, то, что она просит.

– У меня нет денег, – произнес я сакральную фразу, и тут же добавил, чтобы не закреплять ее в памяти Медиума, – до вечера. Даже... да нет, скоро пойдем, тут недалеко, я отдам тебе.

– Сколько?

– Сколько скажешь.

– У меня с утра было пять тысяч.

– Получишь... семь.

– Почему не десять? У меня должна быть хоть какая-то прибыль.

– Хорошо, десять.

– А мне? – спросила Нат.

– Разумеется.

– Тогда уж и мне, – сказал Анатолий.

– У меня нет с собой.

– Потом отдашь.

– Сколько?

– Сколько проиграешь.

– Мы не будем смотреть, – сказала Галя, – мы тоже будем играть. По крайней мере, я – точно. Я умею. В Трынку будете играть? Я умею даже в Покер. В настоящий. В который играл Маверик.

– Скажи еще: Лимонадный Джо.

– Совершенно верно. Хотя: а как он играл? Я умею в профессиональный. А тот, в который играют пьяные посетители кафе, я играть не буду.

– Я не умею играть в покер, – сказал Анатолий, – будем играть в тринку. Кстати, у тебя сколько отобрали в Парке?

– Шесть тысяч.

– Много. Мы можем пойти, и вернуть их назад. Скорее всего, судя по вашим описаниям это был Волчок.

– Не отдадут, – сказала Нат. – Они уже все поделили.

– Мне отдадут. Когда меня посадили, я вошел в барак, в меня сразу кинули сапогом. Я думаю: че делать? Взял этот сапог и бросил его обратно. Попал не в того. Он мне говорит:

– Ты че борзеешь? Я в тебя не кидал.

– Брось в него. Скажи:

– От меня.

– И чего? Больше приставать не стали? – спросила Нат.

– Один из них и был Волчок, – сказала Галя.

– Как ты узнала?

– А ты, чё, до сих пор не в курсе, что я Медиум.

– Что такое Медиум? – спросил Анатолий.

– Экстрасенс.

– Вот сейчас мы и проверим, – сказал он, – какой ты экстрасенс. – Предложил мне сдать карты. – Или я сдам.

– Нет, давай мне, – сказал я.

– По сколько ставим? – спросил Анатолий, выдав из кассы каждому из нас по триста рублей.

– По трешнице, – сказала Нат.

– По пять, – сказала Галя.

– По десять.

– Хватит по пять, – сказал завсклад. – А то неинтересно будет, быстро проиграетесь. Тем не менее, я даю сразу полтинник, – сказал он, посмотрев карты.

– А я? – спросила Галя.

– Ты экстрасенс, должна знать, что делать дальше, – сказала Нат.

– Ну, хорошо, десять.

– Десять и десять, – ответил я.

– Я ничего не понимаю в этой игре. Вольдемар, то есть Альберт, посмотри, сколько у меня.

– Нельзя, нельзя! – вспомнила правила Галя. – Нет, а иначе играть будет не интересно.

– Конечно, нельзя, – выдохнул дым Мальборо Толя.

– Ладно, мне сколько надо ставить? Двадцать? Хорошо, я ставлю двадцать. У меня здесь... – она выложила карты на стол, – двадцать, правильно?

– Мей би, и правильно, – сказал я. – но ты не имеешь права вскрываться.

– А кто может?

– Только я! – воскликнула Галя.

– Не всегда, – сказал Анатолий, – и разлил всем по пятьдесят граммов финского брусничного ликера.

- Спаиваешь? – спросила Нат, она подняла стакан и посмотрела на свет.
- Вы им отдали деньги, и они сразу отстали? – спросил он.
- Нет, они хотели меня трахнуть, но я сказала, что до вечера больше никому не дам.
- Почему ты так сказала?
- Должна же я была поддержать реноме Альберта, – она ласково посмотрела на меня.
- Что значит, реноме? – не понял Анатолий.
- Это значит только то, что значит, – сказала Нат. – Это я ее научила. Форма благодарности – буква ё и три точки – то есть трахальщику. Что, мол, было хорошо, я очень довольна. Даже не довольна, а:
- Благодарю вас!
- Я не знал, – сказал Анатолий. И добавил: – Двадцать и еще двадцать.
- Мне уже сорок надо? Естественно, – сама же себе ответила Галя, и поставила сотню.
- Ты все ставишь? – спросил я.
- Естественно.
- Ладно, ставлю восемьдесят, ибо двадцать я же поставил в первый раз.
- Я добавляю шестьдесят, и еще сто, – сказал завсклад.
- Ты решил раздеть нас за один раз? – спросила Галя. – Между прочим, сегодня, я не буду раздеваться сама. Ты понял мой намек, ковбой.
- Я тебе не верю, – ответил То, как его только что кратко охарактеризовала Нат:
- То, я пока поищу в коробках миндальный финский ликер? – На что получила его молчаливое мотание головой.
- Это по-русски, или по-болгарски? – спросила Нат, и добавила: – Я считаю, что это знаком согласия. – Анатолий сам запутался, и махнул рукой.
- Галя поставила все остававшиеся у нее деньги.
- Мне сколько надо? – спросил я.
- Нат вернулась с пыльной бутылкой миндального ликера, и посоветовала:
- Ставь все. Денег было у всех поровну.
- Логично, – и я двинул все в центр стола. Это был не настоящий стол, а только крышка от стола, размещенная на ящике, который качнулся, наклонился и встал на попа. Все деньги полетели на пол.
- О-о, – протянула Галя, – теперь долго собирать придется.
- Шарап! – закричала Нат, и упав на колени вместе со стаканом, начала одной рукой собирать деньги. Но ее никто не поддержал.
- Так не годится, – сказал То, – надо все собрать и положить опять на стол.
- Хотя бы за сбор денег, я могу взять себе часть? – спросила Нат.
- Не надо, я так дам тебе три рубля.
- Ладно, – она опять встала и сразу выпила весь ликер из стакана.
- Ты не все собрала, – сказала Галя.
- Да ну вас, собирайте сами.
- Наконец, игра продолжилась. Анатолий дал еще триста рублей дальше.
- Так у нас нет больше денег? – запищала Галя. – Я бросать не буду. У меня много.
- Сколько? – спросил Анатолий.
- Не скажу. Или я могу официально открыть карты?
- Нет, но я могу дать тебе взаймы еще триста рублей.
- Давай.
- Мне тоже, – сказал я.
- Когда мы выложили карты на стол, оказалось, что: у Анатолия тридцать, у Гали тоже тридцать, а у меня – тридцать одно.

- Фантастика, – только и сказала Нат сверху.
- Это точно, – поддержала ее Галя. И добавила: – Теперь мне надо дать, что ли, ему, – она ткнула пальцем в То, – чтобы расплатиться.
- Нельзя, – констатировал завсклад, – это деньги Базы.
- Какой еще Базы? – спросила Нат.
- А мы где находимся? – спросил То. И разъяснил: – Это База.
- Он почесал голову, и сказал:
- Продолжим?
- Да, хорошо, – ответил я, все еще собирая со доски выигрыш. И никто не задал мне вопроса:
- Кто сдавал?

Дамы легли спать на самодельную кровать Анатолия, а мы продолжили игру. Но прежде они ответили на пару его вопросов. Пока пили на сон грядущий. А именно:

- Так вас так и не трахнули в Парке?
- Мы бы не дали, – ответила Нат.

Глава 8

– Тебе-то можно было дать, – ответила Галя. – И знаешь почему? Я не могла, потому что Альберт меня затрахал почти до смерти. Ну, не до смерти, но до упаду – это точно!

– Нет, все были не против.

– Волчок испугался, – резюмировал То. – За изнасилование можно получить много, а потом на зоне еще и петухом закукарекать. Хотя, я должен сказать, что не все там становятся пидорами за это дело.

– Почему?

– Я сам до сих пор не могу понять, почему так происходит. Скорее всего, потому, что это вообще вранье. В том смысле, что если кому-то дают возможность объяснить, почему он кого-то изнасиловал, всё – ему ничего не будет. Он уважаемый блатной, а ему всё можно. Сидит за изнасилование, а бреется в парикмахерской с горячим компрессом. – Анатолий налил еще:

– По пият, – и мы продолжили.

Далее объяснение, почему существуют блатные – никто не хочет работать. Это объясняет Галя, так ей рассказал отец, когда она еще с ним:

– Разговаривала. – Из-за чего они разругались? Дала его другу? Или что-нибудь другое?

– Мне отец рассказал причину подобного отношения к людям, – сказала Галя.

– Спи лучше, – сказала Нат, – что ты можешь знать о Зоне.

– Пожалуйста, – сказала Галя: – Никто не хочет работать! Это главный аргумент моего отца. Не хотят работать даже капитаны и лейтенанты, не говоря уже о полковниках. Все хотят только инспектировать и контролировать. Поэтому капитаны и лейтенанты назначают блатных зеков, чтобы они следили за простыми рабочими зеками. Но не сами! Тоже назначают бригадиров. Работает мало людей, – добавила Галя. – А в списке все!

– В каком списке, – машинально спросил То.

– В списке на получение зарплаты, – ответила Нат за Гаю.

– А я работаю?

– Да, если игра в карты – это работа.

К наступлению темноты То проиграл мне три тысячи.

Играть было нетрудно: периодически подъезжали машины, и он их отпускал. Имеется в виду, битком набитыми ликероводочной продукцией. Хотя, кажется, это было воскресенье.

– Пошли, – сказал я.

– Куда? – спросила Галя.

– На кладбище.

– А там не страшно?

– Я трахалась на кладбище, – сказала Нат, после того, как прокашлялась.

– Мы не за этим туда пойдем.

– А зачем?

– Я скоро уеду.

– Сейчас принято прощаться на кладбище?

– Я хочу, чтобы вы больше не занимались проституцией.

– Нам это нравится, – сказала Нат.

– Дело в том, что ты... Впрочем: ну хорошо, ты можешь нам предложить что-нибудь получше?

– Лично я ничего не умею делать.

– А чему тебя учили? – спросил я.

– А я помню?

– Впрочем, действительно, это не важно.

– Более того, – сказала Галя, когда мы уже зашли на кладбище, – ты слушал, что я говорила про любовь людей к работе?

– Да, я хорошо запомнил:

– Никто не хочет работать.

– Правильно. И в связи с этим, что ты еще теперь можешь еще сказать?

– Неужели вы не хотите работать?! – удивился я.

– Нет.

– Нет.

– Почему?

– Неужели ты не слушал, что я говорила? Потому что никто не хочет работать. Даже руководить не хотят. Хотят просто чисто:

– Получать бабло.

Я почесал затылок.

– Не знаю, что и делать тогда.

– Да ничего не надо делать! – рявкнула Галя. – А если уж очень хочется: поедem в Круиз вокруг света на водном лайнере.

– А ты, что хотел нам предложить? – все-таки заинтересовалась Нат.

Мы присели у могилы моих родственников.

– Это твоя бабушка? – спросила Галя.

– Похожа?

– Я просто так спросила.

Пока дамы ходили в туалет в стороне, я успел отрыть с небольшой глубины два пакета с деньгами, и положил их в новую сумку, которая была тоже зарыта здесь завернутая в два пакета.

– Ты хочешь предложить нам работу на рынке? – спросила Нат после того, как налила всем миндального ликера

– Чё так мало? – спросила Галя. – Здесь сколько?

– Двадцать пять грамм, – ответила Нат. – Ты знаешь, сколько двойная?

– Теперь поняла: пятьдесят.

– Пей пока двадцать пять.

– Не буду.

– Почему?

– Я не умею лизать языком, как лиса. Пить-то там нечего.

– Налей ей побольше, – сказал я.

– Не налью! Мы начинаем работать. А тем, кто работает пить нельзя. По крайней мере нельзя пить много.

– Я прошу только пятьдесят. Разве это много? – Галя опять посмотрела в рюмку.

– Нельзя, тем более закусывать нечем.

– Я взял у него в холодильнике батончик колбаски, – сказал я.

– Сервилат? – Точнее:

– Сервелат?

– Финский.

– Да сейчас везде финский. Где только его делают? Будешь, бабуля?

– Не надо шутить с покойниками, – сказала Галя.

– А то что?

– А то придут в гости, как к Пушкину.

– К нему, разве ходили покойники?

- К его другу, этому, как его? Адрияну Прохорову.
- А, к нему точно ходили.
- Думаю, нам лучше отсюда уйти, – сказал я.
- Почему? Здесь хорошо-о.
- Растут деревья. Это березы?
- Рядом со мной маленькая рябина, – сказала Нат.
- С той стороны я вижу шиповник, – сказала Галя.
- Это не шиповник.
- А что это?
- Не знаю. Но не шиповник.
- Лучше бы это был шиповник.
- Чем лучше-то?
- Из него можно сделать заварку.
- На кладбище? Хорошо, давайте не будем о грустном. Куда пойдем? В кабак? Пойдем

в Элит.

- Он до сколько работает? – спросила Галя.
- Сегодня какой день, понедельник? Сегодня он может вообще не работать.
- Мне кажется, сегодня воскресенье, – сказала Галя.
- Ладно, не будем рисковать, – сказал я, – пойдем ко мне домой.
- У тебя здесь есть дом?
- Вот видишь бабушка умерла, а дом остался.
- Я думаю, нам стоит пойти туда, чем сидеть здесь, – сказала Галя.
- Мы попрощались с покойниками и пошли ловить такси, ибо, как сказала Нат:
- Без такси, я никуда не пойду.

– Я тоже лучше останусь здесь, – сказала Галя. – Здесь хорошо, тихо. – Впрочем, я люблю шум.

- Да уж не надо врать, – сказала Нат. – Где ты видела шум?
- Нигде.
- Это точно.
- Потому что его нельзя увидеть.
- Тебя трахают-то обычно где?
- Меня? Нигде. Я завтра пойду на рынок шмотки продавать. Да, Вольдемар? Альберт, то есть.

- С чего-то надо начинать, – ответил я.

– А кроме рынка для простого народа здесь больше ничего нет, – сказала Нат. – Да и то, говорят, что все места там заняты уже. Надо вставать в очередь на место. У тебя есть знакомые в Администрации? Если есть можно дать на лапу.

- А разве Администрация раздает эти места на рынке?
- Да.

– Да бросьте вы, если надо я найду на этом рынке хоть десять мест. И знаете почему? Директор этого рынка является одновременно и сыном директора завода.

- А ты его знаешь?
- Раньше знала. Когда не было шестнадцати, мы встречались у него дома на дне рождения. И знаете что?
- Он предлагал тебе жениться. Я угадала?
- Да, хотел меня трахнуть уже тогда, но я сказала, что только после свадьбы.
- Ты к нему набивалась?

– Нет, ты не дослушала до конца. Я ему сказала тогда, что замуж выйду только после тридцати лет.

– Почему не после сорока?

– Напрасно ты не веришь. Завтра пойдем и будут места. Вот только чем мы торговать будем? Ты придумал уже, Али-Баба?

– Разве я Али-Баба?

– А кто же ты, если предлагаешь нам торговать на рынке?

– Нет, действительно, мы подумали, что у тебя пришел караван верблюдов с товарами, – сказала Нат.

– Когда это вы успели подумать?

– Когда ходили в туалет на кладбище.

– Надо съездить за шмотками, знаете куда?

– В Лужники? Все туда ездят.

– Мне кажется, это бесполезное занятие, – сказала Галя. – Неужели нельзя придумать ничего другого?

– А вы знаете, почему все идут на рынок? – спросил я. – Ничего другого не могут придумать.

– Верно, – сказала Нат. – И знаете почему? Ничего другого и нет.

– Ну, хорошо, ладно, – сказала Галя, – я буду зав секцией, а ты будешь на меня работать, – она хлопнула Нат по плечу.

Нат ответила тем же: так хлопнула Галю по плечу, что она упала с дивана. – Мы уже были дома. Галя сидела на диване, а я и Нат на стульях. Нат специально встала со стула, чтобы ударить Галю по плечу. Как, впрочем, до этого сделала Галя.

Глава 9

Утром мы пошли на рынок. Места были, но только у дальнего забора.

– Я сейчас схожу. Впрочем, пойдемте вместе, здесь где-то должна быть контора.

Пока Галя ходила в контору, которую еще надо было найти, мы узнали, что все ездят не в Лужники, а в Турцию.

– Турция – это далеко, – сказал я.

– Я поеду, – сказала Нат. – Более того, я останусь там навсегда.

– Что ты будешь там делать?

– Пока еще не совсем постарела хочу быть гетерой. Думаю, это мне понравится больше, чем торговать шмотками на рынке. Нет, если бы были деньги, то можно, но я сомневаюсь, что власть даст людям заработать. Здесь нельзя работать – только воровать.

– Где здесь, – не понял я.

– Так везде.

– Во всем мире?

– Да. А здесь тем более. Не зря же не все идут на рынок. Стыдно.

– Н-да, – только и мог сказать я, но как еще дать этим дамам заработать? Просто дать им денег. Ведь я был Грам М. Так ведь сопьются и всё. – Проституцией заниматься не получится, – добавил я.

– Почему?

– Она запрещена. А это значит, командует ей криминал.

– Думаешь, они все деньги будут брать себе? Ты прав. Более того:

– Очень большая конкуренция.

– Да, все хотят этим делом заниматься. Я тут шел по парку, уже вечером, темно, а навстречу мне целая толпа, гурьба парней и девушек. Мамочке с сигаретой, уже докуренной до самых пальцев не больше семи лет. Честно я бы не дал восемь. Остальным меньше. Они с улыбками прошли мимо меня. Можно было подумать, что это инопланетяне. Откуда?!

– Да, если идти в публичный дом, то только сторожем, – резюмировала Нат. – Больше ничем не возьмут. Надо объяснить это Гале, а то она все еще думает, что трахаться выгодней. Легка на помине. Ну чё? – спросила она.

– Места распределяет Администрация, он может дать только у забора. Надо записаться на очередь. Он меня не узнал. – Галя попросила сигарету. – Если есть.

– Напомнила бы.

– Так он так и сказал:

– Я где-то тебя видел. Пройдем в кабинет, познакомимся заново.

– Я по делу, – сказала я. – А он: – Так первым дело самолеты, а торговать потом.

– Да ясно, что кругом здесь скотобаза, – констатировала Нат, и добавила: – Он тебя трахнул.

– Я не дала. Может первый раз в жизни.

– Молодец.

– Чё будем делать.

– Думаю, надо ехать в Турцию.

– А где торговать будем? У забора?

– Запишемся на очередь, где будут освобождаться места, а начнем с дальней части этого рынка. Если товар будет хороший – придут и туда.

– Тем более, это недалеко.

– Метро-о-в, – Галя посчитала в уме расстояние, – пятьдесят-семьдесят. Ну, едем к туркам?

- Я согласна, – сказала Нат. – Светку взять?
- Да, пора набирать штат, – сказала Галя. – Мы-то ведь будем...
- Командовать, – вставила Нат.
- Нет, зачем. Мы будем контролировать. Соберем всех э-э...
- Буква Б, через черточку буква й, – опять вставила Нат.
- Нет, зачем? Ибо все так делают. Просто мы раньше об этом не знали.

Я специально хотел купить красную Четверку, но, как всегда, сделал по-другому. Купил Девятку. Никто не покупал Девятки! Народ как будто с цепи сорвался, и гнал, и гнал, Классику, т. е. Семерки в свои города и села. Казалось, что нет разницы между Семеркой и Девяткой, и, следовательно:

– Зачем платить больше? – И главное, у меня уже раньше была Восьмерка. Как только приезжаю из Москвы ночью – так всё:

– Бери кувалду и правь диски. – Встречные Дальнобойщики ослепляют, приходится ехать по обочине, а там выбоины. В результате диски мнутся. Как специально делают Тринадцатые диски для страны, где одни ямы в асфальте.

Тем не менее, тем не менее. Я взял девятку. Хотелось высокую машину, Ниву. Но в ней мало места.

И знаете, я вернулся, мне обменяли Девятку на Ниву. Пришлось согласиться на двести долларов. В том смысле, что вычли за этот Прокат.

– Попробовать Ниву можно?

– Нэт. – И действительно, все было заставлено машинами. Это был признак, что брать Ниву не надо. Я предвидел, что эта тачка поедет медленно. Но не знал:

– Насколько медленно! – Оказалось:

– Очень медленно.

Вернуться? И я вернулся.

– Опять ты? – удивился Боря, продавец. Сколько я ни звонил – всегда это был или Алик, или Витя, или Боря. И всегда удивлял меня: опять с юга.

Был и один русский. Я приехал поздно, и машину не успели оформить. Это была Семерка. Она была без хромированных ручек, дверь плохо закрывалась, стекло туго поднималось, и главное: мотор работал с перебоями. Плохие приметы, я их знал. Плохо закрывающаяся дверь и мотор с перебоями были у Восьмерки, которая была у меня раньше. Взял ее в Южном Порту. Говорили, что:

– Отрегулируешь.

Но сколько я не регулировал карбюратор, сколько ни менял клапанов – бес толку. Убрать перебои в работе двигателя удавалось только увеличением оборотов почти то тысячи.

– Я уже наполовину заполнил справку-счет – сказал этот кудрявый парень. И добавил: – Вы думаете, я ее не продам за эту цену? Продам. – И он предложил мне заплатить за испорченную справку пятьдесят долларов. А если бы я вообще сегодня не приехал? Тогда что?

В ответ на это он сказал своему помощнику, чтобы не показывал мне других машин. Пришлось уйти!

И вот здесь опять ерунда какая-то. Машину купить невозможно. Кругом реклама: покупайте, покупайте, а толку? Ничего нет. Девятка слишком низкая, диски маленькие, Нива не едет, Запорожец какой-то! Нет, точно. У нее разгон до ста километров происходит за 23—25 секунд. Трактор натуральный. В принципе и вся классика – это трактора. Некоторые, правда, считают, что ездить на Девятке неинтересно: руля, например, не чувствуешь, да и крутить его почти не надо, чтобы повернуть. Зато в Семерке интересно: поработаешь мышцами. Но и видно:

– На машине едешь. – Какой смысл кататься на машине, если она не урчит?

И я опять заставил южного Борю вернуть мне Девятку.

– С тобой хорошо козу покупать, – сказал он мне на прощанье.

– Дойная будет? – сказал я.

– Не в этом суть. Главное, что всех накормил при покупке.

Да, отстегнул всем. Бригада пацанов только успевала мыть мне машины. Сначала Девятку, потом Ниву, и снова Девятку.

В большой печали я возвращался домой. Денег... Главное не деньги, а опять непонятно на чем я еду. От Дальнобойщиков приходится шарахаться на самую обочину. Они меня просто не видят в верхатуры. Надо было купить подержанный Уазик опять в Южном Порту. Купил бы. Но сколько я ни спрашивал, у самих водителей Уазиков – ответ один:

– Как была колода – так и осталась. – И действительно, снаружи машина кажется большой, а внутри совершенно нет места. Все детали, например, педали газа, тормоза, сцепления – узенькие, как на детской коляске. Почему такая экономия на ширине педалей. Колеса огромные, можно смело ехать по обочине, если ослепляют встречные машины, но сама тачка-то:

– Не едет!

– Если такие сложности в покупке машины, то какие будут с продажей турецких шмоток? За голову схватишься.

– Что бы такое придумать попроще? – подумал я. – Здесь слишком много чертей. Не протолкнешься. Самое лучшее, конечно, не делать ничего.

Жаль, что это невозможно. На этой машине, конечно, хорошо катить на пятой со скоростью шестьдесят километров. Плохо – ям много.

Далее, не знаю, что дальше. Нет, вспомнил:

– Встреча в аэропорту в день штурма Белого Дома.

Они привезли три мешка. Это была одна проблема. Вторая – были пьяные. По крайней мере, выпивши, как говорят.

– Зачем ты, Зинка? – шутливо спросил я.

– Чтоб женился, говорит, – так же шутливо ответила Нат.

Но Галя объяснила:

– Там все так делают.

– Это только означает, – подумал я, – ни из кого из них не получится торговых работников.

Один огромный мешок положили на крышу, где я заранее установил багажник, второй можно было уложить, если только сложить заднее сиденье.

– А мы где сядем? – спросили девушки.

– Может, мы просто побежим рядом? – спросила Нат.

– Это не смешно, – сказала Галя и предложила разорвать один мешок. – Распихаем вещи, – как она выразилась, – по щелям и дырам.

– Это не поможет, – ответила Нат. – Есть же еще третий мешок.

– Тебе надо было брать Четверку, – сказала Галя. – Впрочем, все равно бы была проблема. А она заключается в том, что нам лично сесть некуда. Очень маленькие тачки делают.

– Один мешок распакуем, а ты сядешь на корточки у меня между ног, – сказала Нат, и добавила: – Должно получиться.

Я ответил на незаданный вопрос

– Я думал, будет меньше.

– Лучше меньше? – не поняла Галя и закурила только когда мы выехали из аэропорта. Между ног она не захотела ехать, а точнее, не смогла разместиться. Несмотря на небольшой ее рост – тачка была еще меньше. Но смогла лечь, вытянувшись вдоль мешка со товарами.

– Мы не знаем, что лучше, – сказала Нат и тоже закурила.

– Пожалуйста, откройте окно, – сказал я.

– Ты бросил?

– Да. Хотя об этом пока не надо никому говорить.

– Почему?

– Нет, правильно, – сказала Галя, – надо бояться, что обязательно сглазят.

– Кто? – спросила Нат.

– Сам.

Я обернулся назад.

– Ты, похоже, действительно экстрасенс.

– Да колдунья, точно, – сказала Нат.

– Да?

– Да, она сидела там у турка в приемной, пила кофе, а ей все делали.

– Что делали? – не понял я, так как думал в отношении Гали только о сексе.

– Товар ей набирали. А я все сама делала. Хорошо хоть там душ есть.

– И кофе был хороший.

На Кольцевой нас все-таки остановили. Оказывается, все еще шел шторм Белого Дома. Но, кажется, все закончилось хорошо, как все и ожидали. Автоматчики были веселые. Сказали:

– Это тоже товар?

– Да, мы купили ее в Турции.

– Ну, счастливо наслаждаться. Автоматов не везете.

– Нет, – сказал второй, он проверял багажник, которого не было в этой тачке. Вообще их было много на этом блокпосту. Никто, собственно, ни о чем и не беспокоился. Как будто в тыл свободной уже России прорвался вражеский десантный батальон. Но скоро он должен быть ликвидирован. Ликвидирован, как посмешище. Все За Ельцина, а какие-то ненормальные против. Как можно быть против? Если их уже смел каток истории? И зачем, главное? Зачем опять делать то, что делать никому не хочется?

Вообще, конечно, было удивительно непонятно:

– Кто делает этот новый поворот истории?

Ельцин? Гайдар? Но как они одни могли это сделать?

– Значит, его делает сама История, – такой делался вывод. – Народ же ж давно не понимает, зачем жить так плохо. Как будто еще не родившись люди знали:

– Как хорошо-то должно быть на Земле! Все на мерседесах.

– Счастливые люди, мой батюшка. – Есть такие слова в классике?

– Что? – спросила Нат, и добавила: – Кстати, мы книг не читаем уже.

– Я читаю, – сказала Галя.

– Что? Камасутру?

– Да. И не только.

– Ну что еще, например? – пристала к ней, повернувшись назад Нат.

– Мастера и Маргариту, – ответила Галя.

– Про что?

– Интересно.

– Ну, вот, а что интересно? Скажи мне, пожалуйста? Только не говори, что всё.

– Интересно, что здесь живем не только мы, но и другие существа.

– Фантастика! – воскликнула Нат. – Я это давно знаю. Потому что точно знаю, что здесь кроме людей живут еще и черти.

Глава 10

И точно скоро мы их увидели. Семь кожаных курток оказались просто на просто ободраны. Кто их ободрал?

– Значит, не помогла магия, – сказала Нат, и сунула ободранную куртку Гале. – Что это?

– Они говорили, что заменят, если не понравится, – ответила Галя.

– Они были уверены, что все вы не повезете назад, – сказал я. – Впрочем, этого следовало ожидать.

– Конечно, – сказала Галя: – Без обмана торговли не бывает.

– Зачем тогда мы делали Революцию? – спросила Нат. – Зачем голосовали за Ельцина? Ведь мы голосовали за правду.

– Ты голосовала?

– Я нет, но мать голосовала.

– А ты почему против?

– Я не против, я тоже за, но голосовать никогда не ходила и не пойду, разумеется. И знаешь, почему? Не верю, чтобы все эти голосования проходили по-честному. Может, сейчас и по-честному, но думаю, это недолго будет продолжаться.

– Это тебе твой термос сказал? – спросила Галя. И добавила: – Кстати, где он?

– Почему ты спрашиваешь?

– Почему мне не спрашивать? Это мой термос.

– Хорошо. А где мои деньги? Я не думаю, что с этих шмоток мы получим хоть какую-то выгоду.

– Получите обязательно, – сказал я. – Просто считайте, что... тридцать процентов от всех денег за товар – ваши. В дальнейшем будет пятьдесят.

– Лучше сразу пятьдесят, – сказала Галя. – И знаешь почему? Я хочу быть богатой.

Несколько дней я вставал в пять утра, чтобы собрать вещи для торговли, заехать за дамами, и отправить их на рынок. Но было ясно, что надо кого-то научить ездить на машине. Хотели все. Даже безотказная Светка, которая ради:

– Такого дела, – как она сказала, – бросила будущего мужа, ибо он решил, что ей лучше идти на завод.

– Какой завод? – говорю я ему, – ты с какого дуба рухнул?! Он давно сам дал дуба.

Продажи шли. Я им сразу назвал сумму, затраченную на товар плюс пятьдесят процентов наценка.

– Получается, мы берем себе всю наценку, – сказала Галя. – Потому что тридцать процентов сверху – это пятьдесят снизу.

– Надо наценивать больше, – сказала Нат.

– Процентом семьдесят, – сказала Света.

– Да сто, чтобы проще было, – сказала Нат.

– Пока лучше так не делать, – сказал я.

– Почему?

– Надо заманить людей.

– Да, все продают одно и то же.

– У нас лучше товар. Я, наконец, купила себе настоящий турецкий костюм.

– Какой, покажи.

– Спортивный.

– Так мы все уже в спортивных.

– Как и весь рынок.

– Кожаные куртки – порнография. Смотри, подкладка опускается ниже зада.
– Зада?
– Кожи. Их шьют малолетние дети там.
– Я вообще думаю, что этим бизнесом там занимаются русские, а продавать ставят турок. И знаешь почему? Слишком большая халтура. Куртки сшиты детьми на подпольной фабрике, а стоят! сто баксов. Мы их за сколько должны продавать? – спросила Нат.

– Они думают, что мы здесь за годы советской власти накопили большие бабки, – сказала Света.

– Да, хотят распределить их между нами и их Востоком, – сказала Галя. И добавила: – Думаю, мы не справимся с этой мафией. Эти кожаные куртки мы не продадим.

– Придется взять себе.

– Они мужские.

– А какая разница? Будут, как пальто.

– В плечах широко.

– Мы будем получать зарплату непроданными шмотками? – спросила Света. – А то у нас дома есть нечего.

– Продадим их без наценки, – сказал я. – Добавим только десять процентов на самолетный бензин.

– Нет, кожа настоящая, – сказала Нат. – Продать в принципе можно.

– Нужно решить несколько производственных вопросов, – сказал я. Точнее, два.

– Два – это немного, – сказала Галя. – я даже могу сказать, что надо делать во-первых.

А именно: – Ты хочешь, чтобы я сама водила эту тачку, – она положила руку на серую девятку. – Правда цвет не мой.

– Я тоже хочу, – сказала Нат.

– Я боюсь, – сказала Света.

– Сегодня запишем вас на курсы, – сказал я.

– Всех? – спросила Света.

– Да. Лучше всех.

– Ну, окей, – сказала Галя, – посмеемся.

– Какой второй вопрос? – спросила Света. – О сексе?

– Как ты угадала? – удивился я.

– Так мужей ни у кого нет, придется составить график, – сказала Галя. – И вообще я предлагаю назвать нашу группу: – Турецкий Декамерон.

– Я согласна, – сказала Нат. – Ну, а че, если мы собрались этим серьезно заниматься.

– Хорошо, составьте, но не более, трех раз в неделю.

– По одному разу на каждую? – решила уточнить Света. И добавила: – Тогда надо более точно обозначить время.

– Какое время?

– Время Контакта.

– Три часа в бане.

– А остальные, что будут делать, пока эти трахаются? – удивилась Галя. – Между собой только.

– Мужиков мы не можем брать?

– Да как тут мужики. Одни алкоголики.

– Лучше увеличить время до четырех раз в неделю, – сказала Нат. – Тогда более-менее, хватит на всех.

– Нет, Альберт, а что? – решила прокомментировать создавшее положение Галя, – ты больше ничего не будешь делать. Даже машину водить.

– Только трахаться, – констатировала Нат.

– Хорошо, – сказал я, – попробуем. Но я не этот пункт операции имел в виду.

– А именно? – Нат.

– Нужно поговорить с продавцами, у которых места у входа, и купить их.

– Да, некоторые успели занять самые лучшие места, а торгуют одними носками.

Мы завезли товар в гараж и поехали выполнять пункт номер два, который был третьим.

– Какое пиво возьмем? – спросил я, – и добавил: – Может возьмем с собой Бориса? Только я забыл, где он живет.

– Я помню, – сказала Света.

– Ты там была без меня?

– Нет, что ты!

– Мы хотели жить втроем, – напомнила Галя. – В том смысле, что ты и нас трое. Или ты боишься, что не справишься?

– Немного.

– Нет, нет, никаких Борисов. Тем более, никто не помнит, где он живет. Борис – на... повис.

– Да нет, Вольдемар, в том смысле, что Альберт, ты справишься. Раньше справлялся и сейчас сможешь.

– Сколько лет уже прошло? – спросила Галя. – Я тогда была маленькая?

– Прошло шесть лет, – сказала Нат. – Тебе тогда сколько было?

– Я была еще нимфеткой, – ответила Галя. Она купила эскимо и раздала всем.

– Ну, значит, уже думала только об этом, – сказала Нат.

– Если считать с первого раза – больше прошло, – сказала Света. – Лет десять уже, наверное. Нам уже по сколько?

– Ты меня спрашиваешь? – спросила Нат. – Я не знаю.

– Я могу посчитать, – сказала Галя.

– Пока не надо.

– И так ясно.

После бани мы решили не ходить в казино, которое всех заманивало легальностью.

– Там плохо, – сказала Галя. – И знаете почему? Играют не так, как мы привыкли. Не интересно.

– Да, не по-ковбойски, – поддержали остальные.

– Более того, – добавила Нат, – здесь нельзя выиграть.

– Там целая бригада, – сказала Света. – Если кто-то начинает выигрывать – сразу выходит профессиональный шулер, и всё возвращает назад.

– Почему они не дают человеку даже втянуться в игру? – спросил я.

– Они видят через видеокамеру, что этот клиент может сорваться. Как только выиграл – так закончит игру.

– Я вижу, вы здесь уже бывали не раз.

– А сначала все сюда таскали.

– Пока не поняли, что ловить тут нечего.

– Но не все еще поняли, и ходят, – сказала Нат. – Я сюда ходила, чтобы заработать немного денег, когда не было вообще никакой работы.

– Сколько отдавала? – спросила Галя.

– Половину. Как везде.

– Те, кто работают на хатах, отдают еще больше, – сказала Галя.

– Вам скучно? – спросил я.

– Что? Продавать шмотки? – спросила Света. – Нет, хорошо, я согласна. Ты сказал, что прибыль будет. Мне хватит.

Нат промолчала, а Галя ответила, что вряд ли мы так много заработаем.

– Работа до обеда – это уже радость, – сказала Света.

– Да сейчас все работают по двенадцать часов, – сказала Нат.

– А по шестнадцать не хотите? – Это подкрался к нам Анатолий. Он был в этом кабаке с казино, и вышел... нет, не покурить, вышел, потому что проиграл все.

– Всё проиграл? – спросила Нат.

Он тяжело выдохнул воздух, и молвил:

– Нет, осталось еще на заход. Не знаю, здесь остаться, или поехать в другое казино, поближе к дому.

– Давайте поставим это казино на уши, – сказала Нат. – Здесь раньше был кабак от вашего ресторана.

– Как его поставишь, если здесь не играют по-настоящему.

– Как в кино Маверик? – спросил Анатолий. – Я уже смотрел пиратскую копию.

– Что значит пиратскую? – спросила Галя.

– Ну, в Америке еще нет, а мы уже смотрели, – ответил Анатолий, и прикурил новую сигарету от старой.

– Кстати? – спросил я его, – ты нашел деньги, которые я оставил тебе под подушкой?

– Какие деньги? Тем более, у меня никогда не было подушки.

– Ты что? Забыл, как мы у тебя на складе играли в трынку? – Нат ударила его по плечу.

Ну, ты еще трахал меня до потери пульса?

– Это вопрос, что ли? Намек на будущее? Я ничего не понял.

– Доигрался, – сказала Галя. – Все забыл. А как ты клялся мне, потом и всем остальным, что никогда не заснешь, будешь трахаться, трахаться и еще раз трахаться.

– Нет. Впрочем, начинаю вспоминать.

– Давайте съездим за термосом, – сказала Нат, – и разгромим это казино.

– Это мой термос, – мрачно резюмировала Галя.

– Окей. Заодно со мной и расплатишься, – сказала Нат. – Ибо у тебя мои деньги.

– Окей, поделим все поровну, как при капитализме.

– Там всё поровну? – удивилась Галя.

– В принципе да, – сказал Толя. – Давайте, действительно, поступим, как при капитализме: разгромим это дешевое казино. Но это сложно.

– А в чем да, и в чем нет? – спросила Галя.

Глава 11

– Как, простите? – не понял Толян.
– Почему сложно? – сказал я, кивнув на Галю, что, мол, это она спросила.
– А! Ставки низкие.
– Мы повысим.
– Там есть объявление, что больше двухсот рублей в рулетку ставить нельзя. А в карты, по-моему, еще меньше.
– Если они начнут проигрывать, повысят, – сказала Света. А Нат добавила: – Мы их тут и хлопнем.

Толя так и не понял, зачем нам нужен термос, поэтому сказал:
– Вы езжайте, я пока продолжу. – И добавил: – Кофе здесь есть.

Когда мы вернулись, то увидели его на прежнем месте.

– Дежавю.
– Что? – спросила Нат.
– Я это уже видела, – повторила Галя.
– Опять проиграл, – сказала Света.
Мы вышли из такси, и пошли наверх.
– Я с вами? – спросил Толя. И добавил: – Дашь мне взаймы тысячу?
– Будем играть бригадой, – ответил я.

Между прочим, термос пришлось искать на помойке. Мать Наташи выбросила его.

– Как ты могла? – спросила Нат.
– Он разбитый, – был краткий ответ.
– Ты не видела, что он немецкий китайского производства?
– Видела, а что толку.
– Красивый, и тебе было не жалко его?
– Ладно, я только что это сделала. Надеюсь, по ночам мусор не возят.
– А эти, что роются в помойках? Думаешь, они не возьмут такой термос?
– Зачем?

– Как зачем? Он очень, очень был красивый. Цвет – вишня. Цветы – китайские. Модель – Германия. Что ты наделала?! – и она горько заплакала. Мать испугалась и побежала искать термос. Оказалось, что его действительно уже приобрел какой-то мужик с мешком и на велосипеде.

Далее, драка у мусорки. А еще далее, битва в казино.

Мать прибежала запыхавшаяся.

– Что?
– Как?
– Он не хотел отдавать термос. Значит, в нем действительно что-то еще осталось.
– Он сопротивлялся? – спросила Нат.
– О! Еще как. Пришлось провести ему приличный нокаут. Другой пришел ему на помощь.
– И?
– Тоже остался лежать...
– Где? – почему-то не поняла Нат, – в мусорном бачке?
– Нет, что ты! Рядом.
– Надеюсь, третьего не было? – спросила я.

– Вы правы. И знаете, был!

– И?..

– Пришлось и его уложить, – мать показала руку, и предложила пощупать мускул.

– Вы работали в литейном? – уважительно спросил я.

– Она работала в прачечной.

– А сейчас?

– А сейчас всё закрыто, – констатировала мать.

– И где вы работаете?

– В хлебном, – опять ответила Нат. И добавила: – Нет, не продавцом. Хлеб разгружает.

– Фантастика! – прошептал я. И добавил: – Мы вас возьмем в долю.

– Каким образом? – не поняла Галя, которая появилась из кухни с бутербродами.

По дороге мы купили колбасу, сыр и хлеб. – Это, – она дружески похлопала термос по... мне даже показалось, что по щеке, – мой термос.

– Впрочем, ладно, только дайте мне записную книжку, а то я так скоро не запомню всех, кто со мной в доле на доходы от этого термоса, – сказала Галя. – Нет, нет, давайте, давайте.

– Это уже не наш термос? – спросила мать Нат.

– Мы поменялись.

– На что?

– На деньги.

– Где они?

– Вот как раз сейчас мы за ними и поедem, – сказала Галя. – И да, я запишу вас на ноль один процента от чистых доходов.

– А что такое чистый доход? – спросила мать.

– Ну... вот, например, если сегодня мы разобьем казино Три Семерки, то за это придется что-то заплатить.

– А что останется – наше, – сказал я.

– Не уверена, что вы сумеете выйти из этого дела в плюсе, – сказала мать. И добавила: – Но попробовать следует.

Мы начали играть в рулетку, в которой не понимали ничего. Просто наудачу. Но, как уже было сказано, в случае чего, в дело вступали шулера.

– Ты думаешь, термос справится с ними? – спросил я Нат.

– Почему ты ее спрашиваешь? – спросила Галя. – Это мой термос.

– А что-то не помню, когда ты со мной расплатилась, – сказала Нат.

– Ты не помнишь, как я дала целому Парку из-за тебя?

– А! это. Помню. Ладно, командуй. Хотя с другой стороны отдавать такой термос за пару шашлыков...

– Что?

– Дешево.

– Добавить?

– Добавь. – И Галя несильно ударила Нат по затылку прямо на лестнице.

– Ах ты, проститутка! – Они начали борьбу прямо на лестнице. И обе свалились на поворотную площадку.

– Ну, хватит уже, – сказала Света, – мы пришли развлекаться. Я так давно не была в ресторане. А в казино ни разу.

– Из-за чего они дерутся? – спросил Толян.

– Из-за денег, – сказал почему-то я.

– Из-за денег? – повторил Толян и почесал затылок. Потом добавил: – Может и мне принять участие? У меня денег тоже мало. Можно сказать, что сейчас вообще нет.

- Это необычные деньги, – сказала Света.
- Фунты, что ли, стерлингов?
- Нет, просто это деньги не настоящего, а будущего.
- Тогда я пойду к рулетке и закажу кофе. Вам брать? Или сами, чтобы было погорячей?
- Возьми, я не люблю слишком горячий.
- А я слишком холодное.

Мы сразу начали выигрывать. Скрывать, что мы играем все вместе было бесполезно. Никто, например, даже не мог удержаться, что мы пришли обыграть это казино с помощью термоса. На слово термос в его буквально смысле никто, конечно, не обратил внимания, но на вместе обратили. Почти сразу вышел носатый шулер, и начал лихо крутить рулетку.

Но... к моему удивлению, мы продолжали выигрывать. Ставки выросли, стали ставить по тысяче.

- У них здесь запрещено ставить по тысяче, – сказала Света.
- Я договорюсь, разрешат, – сказал шулер.
- Думаю, нам надо это проверить, – сказал Толя.
- Как? – Нат обняла его за шею.
- Надо его трахнуть, и тогда все скажет, – сказала Галя.
- Это хорошая мысль, – сказала Света и стеснительно улыбнулась, чтобы все поняли: это не ее личная мысль, а она только повторяет чужие идеи.

- Надо получить деньги, – сказал я.
- Да?
- Это верная озвучка. – Толя.

Мы собрали фишки, не смотря на уговоры крупье, или как они его называли:

- Дилера.
- Да успокойся ты, пацан, – сказала ему Галя, – мы сейчас придем. Просто хотим пощупать выигрыш.

И нам его не выдали.

- Такие суммы не выдаем сразу, – ответила кассир. И добавила: – Хотите десять тысяч?
- Нам надо все сто, – строго сказала Галя. – Это мои первые деньги, я хочу купить

машину.

- Тут можно три купить, – ответила кассирша из-за решетки.
- Да? А нас сколько? – Галя повернулась и посчитала людей. – Пять вроде. Так что нам еще играть и играть, чтобы всем по машине. Так, я думаю, будет справедливо для первого раза.

Вы согласны?

Все закивали головами.

- Не могу, – повторила кассирша. – Могу, эта, только выдать расписку на десять дней.
- Мы не читали такого объявления.
- Не успели повесить.
- Может хотите, чтобы вас повесили?
- Не грубите.
- А то что?

Событиям не удалось пока что развиваться дальше, появился парень, видимо, один из хозяев этого Заведения, и приказал выдать деньги.

- У меня столько нет! – ответила кассирша.
- Сколько они выиграли?

– В долларах? Пятнадцать тысяч. Даже шестнадцать, почти семнадцать. Сто тысяч в общем, рублей.

- Как это могло произойти, я не понимаю, – сказал парень, и представился:
- Слава. Я привез половину – пятьдесят тысяч. Пока хватит?
- Мне надо все, – сказала Галя.
- Зачем вам так много? – спросил Слава.
- Вы пока съездите домой за деньгами, а я составлю подробный отчет для вас:
- Зачем нам точно нужны деньги. Я лично хочу купить себе дом в Венеции. Остальные...
- Хорошо, вы пока можете опять начать играть, а я съезжу за деньгами. – Он понес дипломат с деньгами в кассу, но Галя встала у него пути.
- Деньги мне, – сказала она коротко. И... и он отдал. Видимо, они боялись, что мы уйдем с распиской. Ведь за одну треть этой суммы можно было найти знакомых блатных, которые отбили были всю эту сумму у казино. А какая разница, кому отдавать.

Глава 12

Мы взяли по чашке кофе и решили выпить их на улице, пока этот Игорь ездит за деньгами. Точнее, Слава. Кажется.

– Они так и будут всю ночь ездить за деньгами, – сказал Толян. И все засмеялись. Он, вероятно, имел в виду, что будут муржить нас, а дамы решили, что Игорь всю ночь будет возить нам деньги.

Но охранники – их было уже двое внизу, один на лестнице, и один наверху – не выпустили нас.

– Посидите наверху.

– Вы ждете денег?

– Подождите наверху. – Этому охраннику Толян сразу дал по яйцам, и сказал:

– Это ты посиди тут.

Второго Галя и Нат взяли за руки и направили лбом в противоположную стену.

Третий побежал вниз с лестницы, и я бросил его через себя прямо во входную дверь. А в нее уже входили два сержанта.

Мы думали, что их уже вызвали, и решили, что еще не знаем, что делать дальше: то ли вступить в борьбу и с ментами, то ли просто прорвать их оцепление. Оказалось, нет, наоборот, у этих милиционеров был конфликт именно с охранниками. И они пришли с ними разобраться:

– Или долю, или напишут заявление. – Милиционеры почему-то думали, что охранники здесь что-то имеют. Какой-то нелегальный доход. И так оно и было, оказывается. У охранников была комнатка, которую они сдавали за триста рублей в час желающим поиграть в настоящий покер. Деньги небольшие, но обычно охранников было всего два. А то и вообще один.

– Так, вы идете пейте своя кофе, – сказал милиционер, и мы вышли.

– Ну че, валим? – спросила Света.

Все молчали.

– Лучше уйти с этими деньгами, – сказал Толя, и добавил: – Ты проверила деньги. Есть они там?

– Да, кажется все нормально.

Что далее?

А дальше всё просто. Не успели мы далеко уйти, как приехал Игорь. В руке он держал точно такой же чемоданчик, какой отдал нам. Галя возьми, да и крикни ему с другой стороны улицы:

– Мы здесь!

– Опа, кажется, приехали, – сказала Нат, – он нас заметил.

– Может быть, не надо было ему ничего говорить?

– Я всегда возвращаюсь за своими деньгами, – сказала Галя, – и все удивленно на нее посмотрели.

Он помахал рукой и пошел к нам.

– Вы выиграли эти деньги, возьмите их, – сказал Игорь, и передал Галя второй дипломат.

– Вы не передумаете? – спросила Галя.

Он покачал головой.

– Хорошо, тогда...

– Что?

– Разрешите предложить вам небольшую благодарность?

– За что?

– За честность. Другие, может быть, сразу бы не отдали деньги, а вы поступили, как джентльмен.

– Я надеялся, что вы еще заглянете к нам, не забудете то место, где получили наслаждение.

– Я хочу... точнее, я не хочу оставаться не благодарной скотиной, – сказала Галя. – Поэтому...

– Хотите прямо сейчас поиграть еще?

– Спасибо, но нет, – не выдержала Нат.

– Да нет, – улыбнулась Галя, – в другой раз, разумеется, но с другой стороны и кроме игры есть наслаждения. Слышали, когда-нибудь про Клеопатру?

– В том смысле, что она трахается со всеми, а потом, где-то к утру, их убивает?

– Нет, нет, только первое.

– Хорошо, где?

– Зайдем за дом, там есть скамейка.

– Я ведь соглашусь.

– Я так на это надеялась.

– А мы? – спросила Света. – Здесь, что ли, будем стоять? Я думаю, это опасно, так как к казино уже подъехала машина. Это блатные, я знаю.

– И вторая, это менты, я тоже знаю, – сказал Толян.

– Еще одна, – сказал я. – Это тоже блатные.

– Ну, хорошо, идемте с нами, за небольшую плату вы можете посмотреть.

– Ты серьезно?

– У меня нет выбора.

Они трахались на скамейке, а мы смотрели на забор из гаражей, за которыми находился то ли Орленок, то ли Козленок – двухэтажный дом для развлечения детей. Там была еще библиотека. Сейчас там, разумеется, никого не было. Была ночь.

– Как они трахаются? – спросила Нат.

– На скамейке неудобно, – сказала Света. – Она немного обернулась и прокомментировала: – Одну ногу в черном чулке с узорами, она положила на спинку, вторую отставила на землю.

– Так делают, когда очень хотят трахаться, – сказала Нат. И добавила: – От выигрыша у нее потекли слюнки.

– Наверное, от перенапряжения, – сказал Толя. И добавил: – Я бы тоже не против.

– Ну, давайте, теперь встанем в очередь к этой скамейке, – почему-то раздраженно сказала Нат.

– Пойдем на ступени Орленка, – сказал Толян, – я что-то тоже не могу.

Мы остались со Светой.

– Помнишь, как Борис затрахал меня до потери пульса?

– Да.

– А до этого ты мне сапоги зимние подарил.

– Да.

– Здесь больше негде, трава сырая.

– Давай, как обычно.

– Миньет? Хорошо. Но учти: у меня миньет не получается. Я как не умела, так и не умею до сих пор.

– Хорошо.

Наконец, все хорошо закончилось, и мы отправились в мой дом. Я почему-то оказался с Галей, Света неизвестно куда делась, а Нат ушла с Толяном к нему на квартиру. Так-то он жил с буфетчицей из ресторана, но недавно расстался. Он не заехал за ней после работы, а наоборот, снял – пока ее ждал – телку в ресторане, и поехал с ней на свой склад. Толстая буфетчица этого ресторана узнала, и позвонила знакомым ментам, чтобы его задержали:

– Почему?

– Да у него прав вообще нет!

– Как же он ездил два месяца?

– Это вы у кого спрашиваете?

– Окей. – И ребята забрали у Толяна его уже почти легендарный горбатый Запорожец, который он купил за девятьсот рублей. Но чуть пораньше. Тогда деньги были дороже. Мог ли кто-нибудь думать, что деньги тоже могут иметь цену? Нет. Хотя и знали, что за один доллар дают всего шестьдесят копеек, кажется. Но ведь это не имело никакого практического значения. Считалось, что рубль – он и в Америке рубль. Точнее, рубль-то ничего не стоит, или мало, по крайней мере, а вот десятка, червонец для американцев и англичан это – Да. Деньги! Большие деньги.

– Интересно, почему червонец ценится, а двадцать пять рублей меньше. Тоже ценятся, вероятно, но как-то меньше. Никто не мог понять почему? А дело оказалось только в том, что их – двадцати пяти рублевки – в кино меньше показывают! Вот вам и кино.

А тут на те:

– Новая красная Девятка только что стоила шестнадцать тысяч, и то никто не брал, а уже тридцать. Через неделю – семьдесят. Еще через несколько дней – сто двадцать тысяч. По новым деньгам это, считай, двенадцать.

Да и вообще никто не верил, что слово:

– Миньет, – надо писать без мягкого знака, а говорить с мягким. И чтобы не забыть, лучше уж, конечно, и писать с мягким. Ибо слишком много информации не усвоишь вот так сразу. Приходится пока что цепляться за старое. И да не минет нас миньет, как и всё остальное человечество. Хотя Нат, как-то сказала одному блавному еврейской национальности:

– Сам сделай. – В ответ на то, что он попросил ее сделать миньет начальнику милиции, когда они вместе мылись в бане. Консервативность человеческой натуры, это, можно сказать, тоже неконсервативная вещь:

– Вот не буду – и всё. – А казалось бы:

– Почему?

Психология. Как сказала одна дама своему мужу:

– Я тоже беру, но не у мужа же.

– Правда, она сказала это в ответ на то, что он сказал ей, когда она отказалась:

– Сейчас все берут.

Что бы на это сказал Ролан Быков? Ведь он сказал, что неправильно заниматься сексом только по пьянке, это плохо. Поймите человека в трезвом виде, а не старайтесь вообразить себе кого-то другого выпивши. И с этим всё получится. Просто надо тренироваться. Вот не хочешь, а всё равно требуй своего. Как жена говорила одному татарину, работавшему фотографом на Калининском Проспекте:

– Отработай обед и можешь идти, куда хочешь. – Вот так: всё по-честному. В принципе так же работают платные проститутки на видеосъемке:

– Хочешь – не хочешь, а деньги всегда нужны. – По неволе и сама захочешь. А так бы вроде ничего и не надо. Солила бы на зиму грибы, брила лбы, ан нет! Ибо рядом Лидин – сосед, помещик двадцати трех лет. Ему надо – смотришь и сама захочешь. Как сказал Шекспир:

– И так весь мир вертится:

– Кто-то Землю крутит, а мы по ней бежим. Можно сказать, оставаясь в то же время на месте.

Эта Галя то появлялась, то исчезала. Мне хотелось ее, но сил уже не было. Тем более, мы выпили с ней целую бутылку Сапериави.

– Ты боишься, что я убегу ночью? – спросила она. – Прикуй меня к себе наручниками. – Действительно на столике перед зеркалом лежали игрушечные золотые наручники.

Я заснул, но утром все же посчитал нужным трахнуть ее. Хотя не любил это делать после кого-то. Но я почему-то просто об этом забыл. Поразительным было то, что она так сжала своими мышцами мол член, что я стонал, как будто меня насилуют. Было просто больно. Она же молчала, как рыба об лед. Почему, непонятно. Может быть, в это время она думала о своей бабушке, которая ругала ее за то, что она шляется по ночам. Прекрасная девушка! Жаль, да жаль... Я только теперь понял, что она похожа на мамочку. Таких любят офицеры. Некоторые из них трахаются, трахаются сначала до потери пульса по кабакам, а потом выходят замуж за майоров и подполковников. В кино так вообще за генералов. Сначала она мне такой не показалась.

Глава 13

Туалет был во дворе. Я вышел.

А когда... в общем, ее уже не было. Где? Термос был на месте, а вот денег не было. А были ли... были ли деньги? Вот в чем вопрос. Абсолютно ничего не помню.

Если бы не было термоса я бы вообще подумал, что это было неправда. Что? Да всё. Хотя нет, напоминание чувствуется.

Новая соседка подошла к забору и сказала, что:

– Ее забрали в милицию.

– За что?

– Значит было за что.

Между прочим, эту соседку я пытался несколько раз снять в кабаке. Но безуспешно. Она ушла к другому. Это было давно. Но я узнал ее. Теперь здесь с кем-то живет в подвале соседнего дома. Скорее всего, она счастье измеряет длиной члена. Каким он должен быть? Сорок сантиметров? Наверное. Редкость это или нет? Не знаю такой статистики.

В милицию идти было опасно. Так-то меня не найдут, я здесь не прописан.

Я поехал к Толяну на базу. Он был занят. Машины за водкой стояли в очереди.

– Ты хоть скажи, где Галя?

– Какая Галя?

– Ну, начинается, – подумал я.

– А эта, как ее, с кем ты сегодня ночью был?

– Сегодня? Я спал, как убитый, один.

– Уверен?

– Абсолютно.

Я уже собрался пойти еще куда-нибудь, но Толя сказал, чтобы я подождал.

Он отпустил машину, и пока подъезжала следующая, сказал, что:

– Галю взяли за взятку.

– За что?

– За взятку.

– А она кто?

– Она – дочь главного инженера завода. Ее отец входит в четверку главных руководителей. Он, директор завода, парторг и главбух.

– И решили, что ли, что четыре – это слишком много? – сказал я. – Главного инженера решили выкинуть из четверки, и получить таким образом тройку.

– Я об этом не думал.

– Но подстава вышла великолепная. Я даже сейчас не могу понять, как они это продумали. И да: – У нас не было крота?

– А кто? Кто с нами еще был?

– Ты, я, и этот, Игорь, кажется.

– Но он появился в самый последний момент. Он и дал эту взятку.

Я взял вскипевший чайник и заварил кофе.

– Выходит, это казино принадлежит заводу? – резюмировал я.

– А что тут удивительного. У них много таких объектов.

Я подумал, что Толян тоже вряд ли причастен к этому делу, как наводчик. Мы его встретили случайно.

– Увидимся позже.

– Ладно.

Я пошел к троллейбусу, но проскочил чуть дальше, и опять попал в тот же парк, где мы встретились. С кем? Ну, с кем мы вчера здесь встретились. Ментовка тоже недалеко, наверное, туда придется идти. Хорошего мало. Хотя собственно:

– Чего бояться? Только, что устроили в казино драку? Это не мало. Но во взятке всех обвинить не могут. Если только в ограблении.

Я повернул в аллею, которая вела к летнему кафе в зеленой решетчатой ограде. От шашлыков шел дым, всё работало, как ни в чем не бывало. Я уже выпил бутылку пива, съел маленькую тарелку креветок, а даже откусил половину кусочка шашлыка, когда увидел перед собой прекрасную девушку. Она сидела ко мне спиной и о чем-то оживленно разговаривала с тремя парнями. Я не видел ее лица, но понял, как будто был экстрасенсом:

– Это Галя.

Далее, нет, нет, конечно, она узнает меня.

Ребята были все те же, а вот барменша – или как ее еще называть в этом месте – другая.

– Девушка, можно вас на минутку? – мрачно и строго сказал я. Да так натурально, что барменша сразу откликнулась:

– Я?

– И ты тоже, но позже. – Хотел сказать я, но не получилось. А только: – Нет.

– А почему, собственно? Я не красивая?

– Нет, что вы, если бы вы не были на работе, я бы... – Но дверной лесоруб Миша не дал мне договорить:

– Опять этот же окунь явился, – сказал он, имея в виду, скорее всего меня. А кого, здесь больше никого не было. Хотя, может быть это был рассказ о каких-то приключениях в лесу, где и деревья валили, и тут же делали из них двери.

Нет, оказывается, всё правильно. Он обернулся и сказал, что:

– Если уж я опять пришел сюда, то хотя бы не должен приставать к даме, которая сидит уже.

– Извините, – ответил я, – я думал, вы на работе.

– Работа не волк – в лес не убежит, – сказал декларативную фразу Юра. – И знаешь почему? Она и так в лесу. – Все дружно и весело засмеялись, а девушка, да и барменша тоже, захлопали в ладоши.

– А что он такого сказал? – спросил я на этот раз вслух. – Нет, я имею в виду, чтобы всем вот так радостно ржать? Это кто? Аркадий Райкин, или его сын Константин, которому однажды заказал молочного поросенка, а он, к счастью, опоздал. К тому времени я понял, что он не приедет, хотя таксист мне потом рассказывал, что они были. И хотел продолжить дальше:

– Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля, мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери. – Но решил:

– Это не нужно. – Никто все равно не поймет, а уж тем более этот Миша или Юра.

– Не трогай нашу девушку, – сказал Юра. А боксер Жека, как обычно брякнул:

– Да по рогам хочет.

– Вы мне тут не безобразничайте, – сразу строго предупредила Лида. Так звали барменшу. Оказалось, она здесь для того, чтобы переждать время:

– Пока в ее стационарном кафе делают новый ремонт. – Она это сказала, и с улыбкой добавила, обратившись ко мне:

– Мое предложение к вам остается в силе, не смотря на небольшой бардак, который вот-вот может здесь возникнуть.

– Галя! – рявкнул я, – подойди, пожалуйста сюда.

– А вот это уже свинство, – сказала девушка и повернулась ко мне. – Потому что я не какая-то там Галя, а Лена.

– Ну букв столько же.

– Ты не букай, а то сейчас по рогам получишь, – сказал боксер. И добавил: – Ты не смотри, что у меня рука-то сломана, я и одной тебя уложу.

– Вы что ему наливаете, Лида? – спросил я барменшу, – точно мочу? А то у меня нет никаких других вариантов однозначно.

– Я точно сейчас встану, – сказал Жека. И он действительно встал, и даже не придерживал руку не перевези.

– Да бросьте вы, ребята, – сказала Лида, – у меня только чистый спирт, с завода.

– На заводе только технический, – сказал я.

– Та же моча, – сказала Лена. – Только крепкая, – сказала Лена и захихикала. – Хотя, я думаю, что это Галя. Но всякое бывает.

– Де жа вю, – сказал я.

– Что?

– Для де жа вю, я говорю, не хватает только двух вещей.

– А именно?

– Во-первых, чтобы Галя...

– Лена.

– Хорошо, Лена пошла за кусты с Мишей...

– Я не такая.

– А во-вторых, – продолжил я, не обращая внимания на ее возмущение, – необходимо, чтобы появились сержанты.

– Ничего не происходит, – сказала Лена. И добавила: – Ну, я пошла?

– Куда? – удивился я.

– Ну, не в кусты же, как все, по крайней мере, как некоторые. Я просто шла мимо, и между прочим, да, искала Галю, но это еще не значит, что вот прямо сейчас побегу в кусты с кем угодно. Более того, вообще ни с кем.

– Почему?

– А всё просто: здесь не с кем!

– Это оскорбление, – сказал даже Юра. – Я так вообще никогда ни на ком не женюсь, – добавил он. – А это последние выходные перед большим броском. – И пояснил: – Лесу много навалили, и впереди ничего:

– Только двери, двери, двери.

– Вообще мы вступаем в бой с пластмассовой мафией, – сказал Маша. – Вы можете себе представить: люди начинают хотеть!

– Чего? – не понял боксер.

– Я не сказал? Пластмассовых дверей вместо деревянных! Такое может быть? Говорят:

– Они не усыхают. – Ну и что? Они же пластмассовые. Как говорили раньше:

– Это не люди, а настоящие памятники.

– А в квартире, в доме, должна быть жизнь, – сказал Юра.

– Пластмасса никогда не портится, – сказала Галя-Лена. – У меня чайник из натуральной пластмассы. А из дерева даже чайник не сделаешь.

– Между прочим... – хотел возразить Миша, но тут появились те, кого так долго ждали: сержанты милиции. Они шли не спеша, а один так даже наклонил голову набок, как будто старался уже с расстояния расслышать, что о нем говорят за столом кафешки.

– Я пошла, – сказала Лена. И она побежала через кусты.

– Вот она! – заорал известный свой наглостью и подлостью сержант Валера, – лови падлу.

Но у них ничего не вышло, дама убежала. И они, как после разгрузки вагона с яблоками и персиками упали в кресла шашлычной.

– По паре, – махнул рукой один из них.

– И бутылку Киндзмараули, – добавил второй.

– Да и вообще всё, как мы любим, – сказал второй, и начал обмахиваться фуражкой. – Жарко. На лице его проступали капли пота.

– А на работе можно пить? – с улыбкой спросила Лида.

Вася рассердился:

– Вопросы, если надо, мы и сами можем задать.

– Да не груби ты даме, – сказал Валера, и что-то прошептал через стол. Имелось в виду, что Лиду иногда трахает начальник уголовного розыска. Да и вообще они дружат, почти что семьями.

Далее, кто это был Галя или Лена? И удар под глаз Жеке.

Глава 14

Сержант Валера приподнял огромную фуражку и почесал свой тощий чубчик.

– Ни одной бабы, – поддакнул его печальной позе Вася.

– Мы шли сюда, собственно, с одной только целью сегодня, – опять сказал Вася. А Валера пояснил:

– У него сегодня день рождения, – показал он пальцем на Васю. – И что особенно удивительно, этот парень хочет не торт с бутылкой шампанского, более того, даже не свою жену, а чисто сексуальную телку.

– Мы думали, здесь всегда есть, ан ошиблись, быстроногая попалась. Новая, что ли, какая? – сказал Вася. – Впрочем, я думаю, что ее еще можно поймать.

– Как? – не понял Валера.

– Она, наверное, в туалет забежала.

– Ты думаешь?

– Почти уверен.

– Пока всё, как обычно, но по-праздничному, – сказал Валера, – а мы сходим в туалет за этой быстроногой.

– Может не обязательно? – спросила Лида, – вон Актриса идет.

– Где? Одна?

– А что, и ты захотел?

– Я думаю, день рождения друга – это праздник для всех. А для меня тем более.

– Более, менее, что вы тут затеяли этот концерт? – мрачно спросил Жека-боксер. – Мы тоже люди.

– И что это значит? – опять сдвинул фуражку на затылок Валера. – Хочешь быть – так будь.

– Это наша баба, – поддержал Жеку Миша, а Юра хотя и промолчал, но многозначительно положил свои рабочие лапы на стол.

– Вы Актрису имеете в виду? Так ноу проблем. Давайте сейчас, как подойдет, спросим ее с кем она больше хочет, и всё.

– Ну че? – спросил Жека.

– Я согласен, – сказал Миша. А Юра промолчал, ибо уже больше получаса мечтал о том, как она придет, и он первый потащит ее туда, за реку в тень деревьев. Он только что прочитал этот роман Хемингуэя, и был не уверен, что фраза:

– Там, за рекой, в тени деревьев, – означает сцену соблазнения Адама Евой. Поэтому хотел лично проверить: это больше или меньше того, что сказано.

Но Актриса однозначно выбрала сержанта Васю.

– Во-первых, у него сегодня день рождения.

– А во-вторых? – спросил Миша, надеясь, что она так выразилась только для красного словца, и никакого второго не будет.

– Во-вторых, я их боюсь. А в-третьих, у них точно есть деньги, они не только зарплату, но и премию получают без задержки. И не отрицайте: у вас часто не бывает денег. А в долг я уже устала давать. Более того, мне просто без не хочется.

– Что значит, не хочется? – спросил Юра.

– Не получаю никакого удовольствия.

Я отошел как за кусты, а сам пошел по кругу к туалету. Зачем? Щас посмотрим.

Точно, Лена, как раз пыталась выйти из туалета.

Она не колебалась, когда увидела меня. Более того, можно было подумать, что она и ждала меня. Зачем? Думать было некогда. И я вместо того, чтобы бежать, взял ее за руку, и вошел с женскую половину туалета вслед за ней.

Место здесь было, но не много. Она просто уперлась головой в покрытый то ли мелом, то ли известкой угол.

– Туда кто-то зашел, – хотел сказать я.

– Куда? – спросила она. – В мужской туалет? Сержанты. У них такая привычка – подсматривать. Не обращай, пожалуйста, внимания.

Я не то чтобы не обращал, но просто был не в силах отказаться от противоположного. И кажется сделал всё, чтобы от меня родилось по меньшей мере десять детей за раз. Сержанты, похоже, ползали по стенам за перегородкой. Но а с другой стороны у них вряд ли был выбор. Не друг друга же трахать? Это бывает, но далеко не со всеми даже при большом желании.

Мы оделись и побежали к дальнему выходу. Зачем? Там было больше народу. И действительно, сержанты не успели, как следует застегнуть брюки и заправить рубашки, поэтому бежали за нами неуклюже. Один даже был почему-то без ботинок.

– Вот ведь натура, – сказала Лена, – другие бы давно успокоились, а эти так втянулись в охоту на людей, что даже без ботинок не могут успокоиться.

– Они бы и без штанов бегали за нами, – сказал я со смехом.

– Точно, ты это правильно заметил, – сказала она.

Мы так и бежали, держась за руки, как будто были приклеены друг к другу. И даже в троллейбус сели вместе, и за билеты платили, не отпуская руки друг друга. Боялись, что другой этого не поймет, обидится. Спросить ее:

– Ты кто? Галя или Лена, – я мог. Это было бы неприлично. Я решил как-нибудь потом узнать, сколько детей было у главного инженера этого завода: один или два? Тогда все станет ясно.

Далее, мы с ней едем в Нижний менять деньги.

– У тебя паспорт есть?

– Зачем? Не рано.

– В загс, ты имеешь...

– А куда еще паспорт нужен? – безмятежно спросила она.

– Валюту обменять.

– Да, ты прав, деньги – даже если они есть – кончаются быстро. – И добавила: – Для обмена долларов паспорт не нужен. Откуда ты это взял?

– Ну... тем лучше.

Она пошла и обменяла тысячу долларов.

– Надо еще обменять, – сказал я.

– Мэй би, лучше... а впрочем, как ты хочешь, я могу обменять и второй раз. Только подозрительно будет.

– Почему?

– Могут думать, что я понемногу граблю маленькие банки, а потом иду менять награбленную валюту.

– Так могут подумать?

– Да.

– Хорошо, тогда я сам. Никто же не знает, что мы вместе.

– Ты хорошо придумал! – радостно воскликнула она. – Мы так и будем делать дальше.

– Как?

– Менять деньги по очереди.

– Ты думаешь, у меня много денег. – Так я хотел ответить. Но решил ее не расстраивать раньше времени. Расстройств и так хватает. Зачем их еще и самим таскать, как...

– Как каштаны из огня, – угадала она.

– Верно.

Мы весь день ходили в поисках пунктов обмена. Искать их было не трудно, но можно было запутаться, и зайти опять туда, где мы уже были.

– Конечно, это опасно, – сказала она, – за нами могут следить.

А денег мы уже обменяли десять тысяч долларов.

И точно, мы заметили увязавшуюся за нами парочку.

– Видимо, мы примелькались, – сказала она. А я сказал, что:

– Надо было купить баллончик с газом.

– Не надо, – ответила она. – И знаешь почему? У меня есть. Нет, обычно я хожу без него, естественно. Этот я купила специально для поездки сюда. – Она внимательно посмотрела на меня. – Ты понял? – добавила она.

– Что я Галя.

– Да? Почему?

– Потому что я могла предсказать нападение на нас и купила этот баллончик заранее.

– К сожалению, теперь я уже не знаю, чему верить. У...

– Что? – В этот момент слезка как раз повернула за угол, где мы их поджидали, и Галя нажала спуск. Ребята зажмурились и пообещали нас поймать когда-нибудь.

– Лучше заранее готовьте пять штук, – сказал один из них.

Взявшись за руки мы побежали туда, где была большая дорога. Надо было поймать такси и ехать к вокзалу.

– Хотя в принципе, – сказала она на бегу, – это большой город. Мы могли бы переплыть Волгу, и на том берегу уже продолжить нашу миссию.

– Именно переплыть?

– Да. И знаешь почему? Они могут ждать нас на мосту.

– Каким образом? Они не могут проверить все автобусы.

– Мы можем попасться случайно. Так всегда бывает.

И вышло именно, как назло. Мы взяли напрокат лодку, трахнулись на середине реки. Хотя здесь было прохладно.

– Ничего страшного, – сказала она. И я был с ней согласен.

Мы остановились около банка, и к нам сразу подошли. Лена сжала в кармане пальто баллончик.

– Сколько хотите обменять? – спросил парень.

– Десять, нет, пятнадцать тысяч долларов, – почти неожиданно даже для самого себя сказал я.

– Будет намного дешевле, чем в банке, – сказал он.

– Спасибо, – ответила Лена, – мы за прибылью не гонимся.

– Намного, – повторил парень, – вы сможете купить даме золотое колечко с рубином или изумрудом на память. Так просто, ни за что.

– У нас достаточно денег, чтобы не попадаться ну удочку, – сказала Люда. Прошу прощения, я уже и сам забыл, как ее зовут. Жаль, очень жаль, но я согласился.

– Не о чем беспокоиться, – сказал парень, – вы первыми пересчитаете деньги.

– Я сама посчитаю, – Лена строго посмотрела на меня.

И мы посчитали – всё было нормально. Никаких кукол. Они проверили доллары. И... и неожиданно они объявили, что доллары фальшивые.

- Вы их проверяли? – спросил парень, Вадик, который вел с нами переговоры.
- Разумеется, – ответила Лена.
- Хорошо, – сказал я, – верните нам доллары.
- А вы нам рубли, – сказал Вадик. И добавил, заглядывая в сумку: – Не фальшивые? А то у нас за это, знаете, бывает и наказание.
- Я взял доллары, и только взглянул на них, как понял:
- Бумага.
- Что?
- Я говорю, это не доллары, а бумага, раскрашенная на принтере. Вы чего мне суετε?
- На ксероксе, вы имеете в виду? – спросил парень.
- Где наши деньги? – сказала Лена.
- И тут появились менты, и как видно, не знакомые этим менялам. Они спешно отдали нам наши доллары, которые уже были у одного из них в черной сумке через плечо, и забрали свои рубли.
- Не смотря на приближающихся ментов она быстро перебрала все пачки долларов.
- Вроде всё нормально, – сказала Лена.
- Ладно, разбегаемся, – сказал Вадик.
- Они успели уйти, а нас остановили. Пришлось дать пятьдесят долларов.
- Да вы что, ребята, кто же меняет на улице, – сказал один из них. А второй добавил: – Идите в банк.

Глава 15

Мы так и сделали. Но в банке нам обменяли только десять тысяч.

– Рублей больше нет, – сказала кассирша.

– А если мы вам дадим пятьдесят долларов? – неожиданно сунулась в окошко моя дама.

– Ну... тогда поскребу по сусекам.

Пришлось дать и ей пятьдесят. Но все равно три тысячи из пятнадцати у нас осталось.

Мы зашли в кафе-мороженое.

– Так не на меняешься, – сказал я.

– Может их вообще не менять? – сказала девушка. – Ты собираешься в казино играть, или с проститутками расплачиваться?

В казино, правда, меняют не выгодно, а проститутки охотно берут прямо долларами. У них даже есть специальные ставки в долларах.

– Сколько?

– Обычно это двести долларов.

– Это надо... – Я хотел сказать, что надо быть Онассисом, чтобы заниматься таким дорогим сексом, но передумал. Ибо:

– Я и сам Онассис. – А так еще сглазишь.

Мы вернулись домой счастливые, особенно я. Доллары оказались не фальшивые. Она – с двумя перстнями:

– Оба золотые, но один с изумрудином, а другой с рубинчиком. – Как сказала Лена.

– Ты чем занимаешься? – наконец спросил я. Неужели тоже проститутка? А ведь лучше-то ничего нет.

– Хочешь помочь мне открыть бизнес?

– Да.

– Проблема. Я ни к чему не стремлюсь. Я не хочу работать.

– Да?

– А чему ты удивляешься? Я – как все.

– То есть, как немногие, – улыбнулся я. – Хочешь...

– Что? Кого?

– Хочешь, я куплю тебе квартиру, где будешь заниматься...

– Предсказаниями, – закончила она. – Проблем с заказчиками не оберешься. Если ты не знаешь, то я тебе сообщу новость:

– Все предсказания остаются недосказанными.

– Это хорошая мысль. Я не знал. Ты бы могла работать со своей сестрой, – добавил я.

– С Галей? Ты уверен, что она существует?

– А ты?

Она погрозила мне пальцем.

– Не скажу.

– Как говорится:

– Пусть это будет нашей тайной.

– Да. Медиум никогда не раскрывает свою тайну. Если бы у меня было прикрытие, – добавила она, – я бы согласилась. Это немного лучше, чем заниматься проституцией. Тем более нелегально.

– У меня есть для тебя прикрытие. Люди занимаются торговлей, но получают мало прибыли. Более того:

– Если их оставить одних – утонут.

– Всю прибыль забирают оптовые компании, – сказала Лена. – Здесь уже торговать нечем. Сейчас еще хорошо – возят из Турции.

– А что будет?

– Будут продавать самострок с болтающимися нитками.

– Государство не защитит мелких предпринимателей, а сами они не смогут защититься.

Я предлагаю трех девушек.

– Что я буду с ними делать?

– Ты не можешь догадаться?

– Нет.

– Сделаешь из них экстрасенсов. Ты не смогла это предсказать.

– Такие вещи не предсказываются. Я знаю, кого ты имеешь в виду. Из них ничего не получится.

– Так и не надо! Предсказывать будешь ты, а они будут выдавать твои предсказания за свои. И получать часть прибыли.

– За что им платить?

– За прикрытие. Только с ними будут разбираться, если последствия предсказания будут неожиданными для заказчика.

– Чё-то мне уже кажется, что легче торговать кожаными куртками и спортивными костюмами.

– Ладно, давай встретимся завтра, и решим еще раз.

– Я не хочу с тобой расставаться. Прикуй меня еще раз наручниками к себе.

– Спасибо.

– Спасибо да, или спасибо – нет?

– Конечно да, но только там нет душа.

– Пойдем сейчас в душ, потом домой, к тебе.

Далее, предсказания, и кому еще нужна помощь?

В душе за нами подсматривали в дырочку. Даже в две. Только мы заклеивали одну, как кто-то там переключался на вторую. И наоборот.

– Беспрецедентная наглость.

– Я так не могу.

– А мне все равно.

– Может быть, его сюда пригласить?

И нас услышали: кто-то там начал карабкаться по деревянной стене. Точнее, пытался изобразить, что, мол, я лезу, что ли?

– Что будем делать?

– М.б., его взять себе?

– Зачем?

– Будет носить за мной палантин.

– А если это она?

– Она? Я об этом не подумала. Впрочем, пришьем ей член.

– Зачем?

– Ну, с такой активностью, член надо иметь обязательно.

– Ты права женщины берут хитростью. Маловероятно, чтобы женщина, а тем более девушка, стала карабкаться по стене душа, чтобы изобразить свое большое желание трахнуться. Через чур как-то.

– Да, она всегда ждет ответа, что кто-то полезет к ней. Хотя не исключено.

Мы вышли из бани, и уже не думали, что опять встретим того, кто ползает по стене, но:

– Кажется, это он, – сказала Лена, и кивнула на невысокого парнишку. – Сколько ему, как ты думаешь?

– Я не могу определять возраста. Семнадцать?

– Больше, он недавно вернулся из армии. Более того, работает где-то здесь недалеко поваром.

– Придется взять его с собой.

– Да, мне не нравится, когда повара занимаются мастурбацией.

– Ему должен кто-то давать.

– Может быть позовем Галю?

– Галю? Какую Галю.

– Ты не помнишь Галю?

– А кто такая Галя?

– Нет, ты меня не поймашь.

– Подойдите, пожалуйста, сюда, – сказал я.

– Я?

– Заякал! Ну не я же! – возразила Лена.

– Ну хорошо, – парень пошел нам навстречу, предварительно оглянувшись назад. Как будто размышлял еще:

– Не убежать ли?

Мы уже дошли почти до самого дома, когда парень, наконец, сказал:

– Можно я представлюсь?

– Ты уже представился, – сказала Лена.

– Да? И как же?

– Константин.

– Вы, наверное, подслушали, когда я репетировал эту сцену по дороге? – спросил Кон.

– Знаешь, что, парень, если ты не хочешь, чтобы я звала тебя Конь, никогда мне не говори, что я тебя подслушала.

– А как? Как мне к вам обращаться?

– Просто говори:

– Ты знала? – Или лучше:

– Вы – знали?

– Хорошо, а ты тогда зови меня Шон Коннери.

– Ростом не вышел.

– Наглая! – почти радостно воскликнул Шон.

– Нет, я буду звать тебя Конь, – сказала Лена. – И для начала, чтобы ты понял свое настоящее место, мы привяжем тебя к ножке кровати.

– Ладно, я согласен. Но тогда уж и зовите меня просто:

– Член.

– Член семьи, – сказал я, чтобы как-то сгладить процесс притирки.

Меня немножко удивило то, что на меня никто не делает ставки. Я имею в виду, дамы. Они запросто уходят к другим. Неужели так заметно, что я не пригоден к семейной жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.